

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

НОВЫЕ МОСТЫ

Колдовские миры Галины Гончаровой

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Новые мосты

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Ветер и крылья. Новые мосты / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2023 — (Колдовские миры Галины Гончаровой)

ISBN 978-5-04-177430-1

Мия и Адриенна продолжают свой путь. Трепещет Эврона — на ее улицах появилось чудовище. Убийца, которой безразличны чужие жизни и судьбы. Она готова нести смерть везде, всюду, любому человеку. Главное, чтобы за это платили. Постигает сложную купеческую науку Лоренцо — и ни на миг не забывает о своей любви к Адриенне. Увы, сделать ей предложение он не может, а девушка никогда не ответит ему взаимностью. Но вдруг?.. Плетет интриги эданна Франческа. Чахнет у ее ног влюбленный принц. Ах, ей бы родить, но если бог не дает детей? Тогда надо обращаться к Дьяволу. Адриенна спокойно живет в СибЛевране. Спокойно ли? Сбежавшая эданна, покушение на убийство, разбойники — не такая уж и тихая эта провинция. Но жить — надо. И жить достойно. Так, чтобы летать, а не ползать. Справятся ли девушки с этой задачей? Кто знает...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177430-1

© Гончарова Г. Д., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Новые мосты

Гончарова Г. Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Адриенна

Как уж там в столице, девушка не знала. А в СибЛевране зима выдалась снежная, ветреная... выглядываешь из окна – и видишь сугробы, сугробы, а потом опять и снова сугробы. Красивые, белоснежные, большие – и непроходимые хоть для конного, хоть для пешего.

А еще над сугробами летит поземка, срывает у них макушки, закручивает снежную крупу, и видятся в ее полете то облака, то драконы, то мифические герои...

Красиво. На это можно смотреть часами из окна. А потом пойти и погреться.

В такие дни приятно сидеть у очага, протягивать к огню руки, о чем-то разговаривать с близкими людьми, может быть, отпивать маленькими глоточками горячий глинтвейн – не ради алкоголя, просто для настроения. Можно и ягодный взвар, тоже вкусно.

Раньше Адриенна так вечера и проводила. А сейчас вот появление эданной Сусанны поделило СибЛевран на две части. И в одной остались эданна, ее муж и сын. А в другой сама Адриенна. И дан Рокко, который полюбил составлять ей компанию.

«Хотите верьте, дана, хотите – нет, – как-то сознался он в приступе откровенности, – хорошо рядом с вами.словно солнышко греет. И легче становится. Я ведь помирать готовился, а сейчас чую – еще лет пять, но проживу. Глядишь, еще и на вашей свадьбе погуляю, коли позволите».

Что могла ответить на эту откровенность Адриенна? Сказать, что так проявляется кровь Морганы? Что она – свет, здоровье и счастье для своих людей? И пока дан Рокко на ее землях, он тоже под ее защитой? Лучше уж не рисковать. Она просто от души порадовалась за хорошего человека.

Зима...

Что может выгнать человека из дома в такую погоду?

Нужда, беда, болезнь и голод. То, с чем лучше не сталкиваться.

Никто и не ждал, и не гадал, но когда в ворота замка постучали... открыть, конечно, пришлось. Не сами ворота, калитку, ворота так замело, что часа два расчищать придется. Что еще остается? А уж когда из телеги выбралась измученная женщина с мальчиком и оба упали на колени почти посреди двора...

Кое-как зашли – и силы кончились. Само осознание, что они здесь, что добрались, что в безопасности... впрочем, в безопасности ли? Им просто очень повезло.

Адриенна как раз была занята на конюшне, но голос эданной Сусанны расслышала бы через любые стены.

– Это что еще такое?! Кто позволил привезти эту грязь в мой замок?! Выпороть всех!!! И выкинуть!!!

Как не выйти ради такого?

А еще – ради унижения эданной Сусанны. Злила она Адриенну и раздражала, до бешенства, до белых глаз, до стиснутых кулачков. И Адриенна с удовольствием делала эданне гадости при первой же возможности.

Сусанна в долгу не оставалась, война раскручивалась, втягивая в себя новых и старых обитателей СибЛеврана, и сейчас намечалась очередная битва.

Услышав шум, Адриенна поплотнее закуталась и выглянула во двор. Не любила она холод. Вот не любила – и все тут! Но кони ждать не будут, показалось старшему конюху, что у гнедого подозрительная проплешина... ага, подозрительная!

Если даешь коня идиотке – так хоть оседлай по-человечески! Конечно, один из ремней и натер...

Адриенна ругалась, смазывая воспаление специальной мазью. Конюхи почтительно внимали, хотя ничего крамольного девушка не говорила – не подобает. Но хозяйка ведь!

И как коней понимает!

Ходили в их среде слухи, что есть, мол, *конское слово*.

Кто его знать будет, того все лошади будут слушаться, словно родного. Вот не иначе как его дане и шепнули. К ней любой конь бежит, разве что хвостом не виляет! Вызвать бы, да кто ж поделится? И на том спасибо, что дана сама ручки запачкать не брезгует!

Адриенна натолкнулась взглядом на Рино – парня из деревни, который подрабатывал извозом. И на две фигурки посреди двора.

Такие... безнадежные.

Женщина прижимала к себе маленького ребенка, словно закрывая от гнева эданны Сусанны, а тот уткнулся в ее одежду. Вцепился, притих...

Это же мама!

Она его от любой беды защитит, правда?

Только вот и мама на ногах чудом Божьим держится, и малыш скоро свалится...

Ругаться на дворе Адриенна не стала.

Наклонилась.

Снежок так удачно скруглился в ладони... и прямо-таки в цель уложился, сбив с эданны кокетливую меховую шапочку.

Та заткнулась на полуслове. Да никто и не спешил ни хватать, ни пороть... это еще чей тут замок? И что дана Адриенна скажет? А пуще того – дан Рокко? Дан Марк – тот жене потакать будет, так он ведь и не хозяин. До конца-то...

– Ай! – неблагоприятно взвизгнула эданна. Развернулась – и получила вторым снежком в грудь. Надо бы в лицо, да Адриенна промазала побоялась, выбрала цель покрупнее. Хорошо еще, первый раз попала, куда целилась!

И словами добавила. Так, для доходчивости:

– Не смей распоряжаться в моем доме!

– Ты! – взвизгнула эданна.

Она бы с удовольствием поругалась на тему «кто в доме хозяйка», но Адриенна уже не обращала на нее внимания. Она быстрым шагом шла к женщине с ребенком.

– Имя?

– Эданна Джачинта Леони. Мой сын – дан Анжело Леони.

Адриенна кивнула. Кто это такие, чего им надо – потом разберемся. И так понятно, что они сюда явились не от хорошей жизни. И расспрашивать их посреди двора – скотство. Поэтому...

– Вы измучены и не стоите на ногах. Рино!

– Слушаю, дана? – подскочил возчик.

– Видишь – эданна на ногах не стоит? Сопроводи ее в залу, сам иди на кухню, выпей горячего и скажи кухарке, пусть найдут тебе место переночевать. Ну и ужин, конечно. На сколько вы договаривались?

– Так это... четыре сольди.

– Эданна их отдала?

– Нет пока, дана Адриенна.

Адриенна молча достала из кармана серебряный дарий.

– Тебе. Чтобы не трепал зря языком. И лошадку устрой, через калитку она пройдет, а пока ворота откопают... сам видишь!

Надо бы откопать. Но припасов хватало, последний подвоз был чуть не десять дней назад, следующий – еще дней через пять, Адриенна и махнула рукой. Чего их каждый день откапывать? Тогда уж один раз почистят... ладно, теперь – два.

– Спасибо, дана!

Рино аж подскочил на месте, подхватил на руки мальчишку, не особо вежливо толкнул под локоть пассажирку, чтобы та вцепилась в его плечо, и потащил обоих в залу. Благо преотлично знал и что, и где. Не раз грузы возил.

Адриенна повернулась к эданне Сусанне.

Хотелось сказать многое. И что не стоит распоряжаться в чужом доме, и что эданна здесь никто, и что придет пора, она отсюда вылетит как пробка... Да, и обозвать ее покрепче тоже хотелось.

Вместо этого Адриенна прищурила глаза:

– Еще один такой случай – урежу содержание.

– Не посмеешь!

– Еще как. Это мой замок. Мои люди. Мое право. Не понимаешь словами, будем разьяснять лоринами.

Эданна Сусанна аж задохнулась от возмущения.

Она зачем замуж выходила?!

Чтобы поместье, чтобы деньги, чтобы спокойствие... и что?! Какая-то сопля ее самого ценного лишает, понимаешь! И ведь ничем ее не остановишь.

Адриенна не стала ждать, пока эданна отплюется от застрявшего в горле возмущения. Она прошла в замок, в общую залу.

Там было жарко и уютно, горел огонь в большом камине, а гостя и ее сын уже сидели неподалеку от очага, на удобных лавках. И в руках у них были чашки с бульоном.

Рози хлопотала вокруг, приговаривая, что сразу после долгого голода много кушать нельзя, так что пусть эданна не упрямится. И молочка им горяченького нельзя, а вот простоквашка вкусенькая на кухне есть. Ее на ночь точно можно, и сыра кусочек...

Гости сосредоточенно пили.

Адриенна пока приглядывалась.

А красивая гостя. Среднего роста, но хорошо сложена, волосы рыжеватые, глаза большие, карие, личико бледное, сейчас настолько, что веснушки на переносице выделяются четко и ясно.

Мальчик?

Ее копия. Только у матери волосы рыжие с каштановым оттенком, а у него каштановые с легким уклоном в рыжину. Лет пяти-шести на вид. Симпатичный, но худой, аж на просвет видно. И одеты они не так чтобы дорого. Тепло, добротно, но это крестьянская одежда. Шерсть, сукно, кожа...

Даны предпочли бы бархат, меха... здесь этого нет.

И все же Адриенна косу готова была дать на отрезание – это дана. Она не лжет.

Но почему здесь и в таком виде?

Адриенна дождалась, пока гости выпьют бульон, и только тогда присела напротив.

– Эданна Леони? Мое имя Адриенна Сиблевран. Вы сейчас гости в моем замке. Добро пожаловать.

И так это прозвучало для измученной невзгодами женщины...

Успокойтесь. Вы в безопасности. Я помогу...

Джачинта всхлипнула – и едва не залилась слезами. Адриенна помешала, вовремя заметив опасные признаки. Вот не надо сейчас истерики, сначала расскажите, зачем приехали, а потом плакать будете.

– Эданна, минуточку.

– А?

Тон у хозяйки был такой, что остановился бы даже конь на всем скаку.

– Эданна, сначала объясните мне, что привело вас в СибЛевран. А потом я устрою вас на ночлег – и вы сможете дать волю слезам. Пока же не пугайте сына.

Другие бы слова, может, и не подействовали. Но сын!

Ради него Джачинта позволила бы себе руку отпилить! А уж сдержать истерику... какую еще истерику? Она спокойна! И слез никаких нет, и голос не дрожит, вот!

– Мое девичье имя Джачинта Вентурини.

Тут Адриенне и гадать не пришлось:

– Вы дочь дана Рокко?

– Да...

– М-да...

Адриенна подумала, что дане (эданне) явно не повезло. За стол с гостями ей точно садиться не стоит. Это ж надо так подгадать?

В любой другой день, в любое другое время дан Рокко прекрасно бы и увидел, и услышал дочь, и отвратительной сцены во дворе не случилось бы. Но вчера дан переоценил свои силы.

То ли перегулял, то ли оделся недостаточно тепло... в результате его свалила вульгарная простуда, которая проявилась уже вечером соплями, чиханием и легким жаром. Кто-то и лечиться бы не стал, начихав на болезнь, но дан Рокко себе такой вольности не разрешил. Не с его здоровьем. И он лежал в кровати. Пил подогретое вино с травами, спал...

Не слышал он ничего по техническим причинам. И окна его не туда выходили, и скорее всего он именно что спал.

– Что с отцом?! Он жив?! Умоляю!!!

– Жив, здоров... то есть не вполне здоров. Простыл вчера. Марко!

Долго звать и искать не пришлось.

– Что, дана?

– Слетай к дану Рокко, спроси, может ли он принять гостей? Важных? И уже взглядом оцени состояние. Если ему плохо, то цыц! Не смей тогда ничего говорить до завтра-послезавтра! Дочь там, не дочь... дан Рокко Вентурини Адриенне был дороже неизвестной эданн с ее интересами и проблемами.

Марко все понял и умчался. Адриенна погладила бедолажную эданну по руке:

– Успокойтесь. Мы вас в любом случае не выставим на улицу. Вы в безопасности.

– Я...

– А вот о ваших делах сначала стоит рассказать отцу, – строго осекла Адриенна.

Эданна Леони оглянулась, увидела эданну Сусанну, которая входила в зал с видом королевы в изгнании, и опустила ресницы. Поняла...

– Это еще здесь?

Действительно, рядом с Сусанной, которая была облачена в верхнее платье из бархата винного цвета и нижнее из кремовой тонкой шерсти, Джачинта казалась замарашкой и побитой.

– Обязательно скажу дану Вентурини, как вы уважительно отнеслись к его дочери, эданна, – парировала Адриенна. И повернулась к Марко, который влетел в зал.

– Можно, дана.

– Идемте, Джачинта. Идем, Анжело.

Гости поднялись и послушно отправились за хозяйкой.

Оставлять родственников наедине Адриенна не собиралась. Пусть сначала дан Рокко ее об этом попросит.

* * *

Дан Рокко таких глупостей говорить не собирался. Он отлично понимал, что Адриенна его главный друг и союзник. Более того, она хозяйка замка. Здесь ее право – и его сила.

Что бы ни случилось с его дочерью – расхлебывать им совместно. А удачно ли расхлебается?

Это и от Адриенны зависит во многом.

Поэтому дочь он встретил улыбкой:

– Чинта! Анжело!

И обернулся к Адриенне:

– Дана Риен, я надеюсь, вы нас не бросите? – И снова дочери: – От Риен у меня секретов нет.

Джачинта покосилась на дану, но поняла, что выбора у нее тоже нет.

– Папа... ох, папочка...

– Что случилось, Чинта? Не трать время на слезы, рассказывай...

Джачинта усилием воли взяла себя в руки. Вытерла те капельки, что уже брызнули из глаз, и коротко так, часа на полтора, поведала свою историю.

Адриенна слушала.

Терялась, конечно, в подробностях, но слушала.

Анжело поступил умнее всех. Он залез на кровать, под бочок к деду, да и придремал там. Тепло, сытно, спокойно – что еще надо малышу? Только ощущение безопасности. Комната, где звучит и мамин голос, и голос деда, где обнимают надежные сильные руки, где нет снега, холода и страха. Сегодня он будет спать без кошмаров.

Если выжать из истории всю лишнюю воду, она была проста, как тряпка.

Джачинта была замужем за даном Леони. Тоже, кстати, Анжело, сына назвали в честь отца. Но во время эпидемии (тут виновато опустила глаза Адриенна) дан Леони умер.

Дан был не из бедных, но и не из богатых. Поместья у него не имелось, а вот дом в городе и паи в торговых делах – были. И был младший брат.

Бартоломео Леони.

Дальше ситуация развивалась, увы, по печальному варианту.

Если кто-то и бывает столь благороден, что приютит вдову брата с ребенком или детьми, поможет, позаботится, поддержит...

Бывает, кто бы спорил! Хороших людей у нас много.

Но вот Бартоломео к ним никак не относился. Понятно, все состояние по завещанию отходило Анжело-младшему. Но!

А если Анжело не доживет до совершеннолетия?

Второго племянника у дана Бартоломео нет. А Джачинта... а ее можно и того... жениться можно. Будет у нее еще трое детей, мигом о первенце забудет, по принципу: «Бог дал – Бог взял».

Это если вкратце. А если описывать все поползновения Бартоломео в сторону молоденькой вдовы, все его домогательства, все попытки убить Анжело...

А попытки были.

Не впрямую, нет.

Но открыть у ребенка окно, когда тот болеет, – запросто.

Предложить покататься на лошадке, на которую и взрослому садиться страшно...

Сводить на ярмарку и потерять... чудом малыш нашел дорогу. Чудом Господним...

После ярмарки Джачинта и поняла, что рано или поздно ее сына изведут. Не одним, так другим способом. До того еще можно было что-то списать на глупость или случайность. А вот

на ярмарке... три раза случайности – это уже закономерности. Сообразив это, Чинта решила не оставаться рядом с подлецом.

Благо дело происходило в столице. Отец уехал, но куда – она отлично знала. Подготовилась, взяла деньги и драгоценности, что попали под руку, – и вперед. К сожалению, попало ей мало, потому что Бартоломео все держал у себя, в тайнике. Но хоть что-то...

Джачинту гнал вперед страх за сына.

Деньги она, увы, не рассчитала. Там пришлось заплатить больше, здесь... К тому же она не рассчитывала на благородство Бартоломео. Будут ее преследовать и искать?

Да обязательно!

На то, чтобы сбить погоню со следа, тоже нужны были деньги. Она наняла еще двух женщин с рыжими детьми, и все выехали из столицы в один день, только в разных направлениях. Две другие вернутся потихоньку. Джачинта – нет.

Дан Рокко выслушал весь этот слезоразлив. Подумал.

А потом слез с кровати.

– Залезай, дочка.

– Отец?

– Ты сегодня спишь здесь. А я посплю на кушетке...

– Но...

– Ложись и спи. Мы тебя не выдадим, но обговаривать план действий будем завтра. Ты себя еще слишком плохо чувствуешь.

С этим Джачинта и не спорила.

Плохо? Это еще слишком мягко сказано! Отвратительно она себя чувствует, чудом еще на ногах стоит. Если б не сын, давно бы ее косточки под кустом вороны расклевали.

Она залезла под одеяло как была, едва скинув обувь, притянула к себе поближе сына, который почуял мать и уткнулся лицом в родную теплую грудь, – и уже через минуту в спальне сопели два носа. А дан Рокко вопросительно смотрел на Адриенну:

– Дана?

– Предлагаю поговорить у вас в кабинете, – махнула рукой Адриенна. – Пусть спят, не будем им мешать.

* * *

В кабинете Адриенна уселась в кресло и побарабанила пальцами по подлокотнику:

– Дан Рокко, у нас сложная ситуация.

– Это верно, дана.

– Давайте я все изложу, а вы мне объясните, где я не права. Итак, у нас есть ваши дочь и внук. Но опека над ними у Бартоломео. Вам ее никто не отдаст. Разве что ехать в столицу, кидаться королю в ноги... Теоретически я могу попросить. Но практически – когда дойдет мое письмо? Что потребует его величество за свое покровительство? И... кто будет первым? Бартоломео или письмо?

– Я бы поставил на Бартоломео. Я его видел... он неглуп и достаточно настойчив.

Адриенна продолжила барабанить пальцами:

– Тогда сложности увеличиваются. Если он приезжает и требует отдать ему Чинту – мы вынуждены отдать. Так?

– Особенно если он сразу приедет со стражей. Он может.

– Люблю умных врагов. На обед. Что мы могли бы сделать? Первое – король. Но время, время...

– Согласен.

– Мы все равно напишем его величеству, изложим эту ситуацию. Но решение придется принимать раньше. Не говоря уж о том, что у нас в тылу предатели. Эданна Сусанна и глазом не моргнет, даже если вашу дочь у нее на глазах удавят. Кстати, за похищение сына и наследника от его опекуна... что Чинте полагается?

– Три года тюрьмы.

– Вообще замечательно. Плюсуюем еще и шантаж. Мой отец, Леонардо... никто не вступится. Так что вариант с королем отпадает. Можно бы спустить на вашего... Леони собак. Или волков.

– Увы, это вряд ли.

– Знаю. Силовое решение проблемы мне недоступно. – Адриенна даже порадовалась себе. Вот как она уже выражается! Не зря дан Рокко ей законы вдалбливал. – Не в моем возрасте. Увы.

Было у нее подозрение насчет волков. Но... страшновато.

Допустим, она пойдет в лес. Найдет там волков. И даже поймет, что им надо. А волки точно поймут, что Ей от них надо? Или предпочтут слопать того, кто поближе? Адриенна не считала серых хищников дураками и рисковать не желала.

– Согласен.

– Мы могли бы выдать вашу дочь замуж. Но вашего внука это из-под удара не выведет.

– Увы.

– Мы в тупике?

– Практически, дана, практически.

Адриенна подняла брови:

– То есть?

– Существует вариант, при котором Бартоломео сам отказывается от опекунства.

– У нас нет таких рычагов давления. Или есть?

– Я попробую, – с сомнением сказал дан Рокко. – Кое-что у меня есть, но подозреваю, этого будет мало для полноценного шантажа.

Адриенна сосредоточенно думала. Вспоминала законы.

– Минутку, дан Рокко. Кажется... если Бартоломео сойдет с ума, его лишат опекунства? Безумец ведь не может быть опекуном мальчика?

– Нет. Но...

– Я знаю, есть травы, которые вызывают помутнение сознания. А у нас в деревне есть знахарка. Тетка Ата...

– Ага, – уловил дан Рокко. – Но ведь это ненадолго?

Адриенна покривилась:

– Странное поведение благородного дана должны удостоверить три благородных свидетеля. И у нас как раз они есть. Я, увy, не могу, но вы – можете. Мой отец может. Леонардо – может.

– Дана?

– А СибЛевран выдержит этот расход.

– Дана!

И столько благодарности было в голосе пожилого человека. Столько тепла...

Дан Рокко отлично понял, что сейчас сделала Адриенна. Она просто приняла его дочь, как свою. Поверила, подумала, как решить ее проблемы... мало?

Вот так, первый раз в жизни видя Чинту и ее сына. Это дан Рокко знал, что дочка не врет, а вот Адриенна этого знать не могла.

И все же – помогает.

Адриенна лукаво улыбнулась:

– Дан Рокко, предлагаю вам сегодня отдохнуть как следует. Завтра у нас будет тяжелый день.

– Безусловно, дана.

– Вы меня не поняли, дан Рокко. Нам предоставлять отчеты его величеству. А вам думать, как выкроить из бюджета деньги на взятки. Думаю, это не меньше двухсот лоринов...

Дан Рокко оценил:

– Спасибо вам, дана. Я отслужу. Клянусь.

Адриенна серьезно посмотрела на пожилого усталого мужчину:

– Я, Адриенна Сиблевран, принимаю вашу клятву. Обещаю не требовать от вас ничего, противного чести и совести.

И... показалось им?

Да чушь, конечно, кто б спорил! Зима же и ночь!

Но где-то там, далеко, за окном, хрипло и отчетливо каркнул ворон.

Мия

Что за зеркала, которые отражают метаморфов в их истинном облике?

Почему ее видно в серебряном зеркале мастера Сальвадори?

Кстати говоря – откуда вообще взялись метаморфы? Мать Мие так и не смогла ответить на этот вопрос, увы. А узнать очень хотелось.

Что творится на Линдано?

Куда вообще пропал знаменитый мастер?

Чье наследство продает дан Джанмария Дуранте?

Вот на последний вопрос Мие было ответить легче и проще всего. Последнее время она не гуляла по городу: что она там забыла? Последнее время она охотилась.

Узнать, где находится особняк дана Дуранте, было несложно. Есть люди, у людей есть языки, у Мии есть деньги. Эти категории прекрасно сочетаются.

Мия не могла расспрашивать напрямую, дядя не понял бы. Но вот с утра потолкаться на рынке... понятно, не в своем облике.

Мия готовилась заранее, отрабатывая личину перед зеркалом. Обычным, не мастера Сальвадори.

Мальчишка-нищий получился на славу. Укорачивались и темнели волосы, становясь из золотых грязно-соломенными. Цвет глаз Мия сильно не меняла, ладно уж. Только разрез. Менялась форма губ – с полных на узкие и сжатые, нос – на длинный и хрящеватый, с приплюснутым кончиком.

Исчезли и так незаметные глазу округлости и выпуклости, а остальное придется корректировать одеждой. Здесь подложить, там уплотнить...

Одежду Мия менять на себе не могла. Большой минус для ее целей.

А как хорошо бы!

Одна мысль – и ты в платье! Вторая – и ты в штанах! Но, кажется, так даже прабабка не могла. Мама рассказывала, та использовала двусторонние платья, чтобы мгновенно поменять наряд. Скинуть верхнее платье, вывернуть – и уже внешность изменилась.

Пододевала под юбку штаны. Для той же цели.

Мия так пока не могла. Надо будет потом обсудить с дядей гардероб, а сейчас у Мии было только то, что положено юной дане из хорошей семьи. Если требовалось что-то сверх, дядя сам приносил одежду.

Мия над этим раньше не задумывалась, а вот сейчас, когда что-то понадобилось ей, да так, чтобы дядя не узнал...

А ведь она и правда у Джакомо как на ладони. Неприятное ощущение.

Мия решила подумать над этим потом, а пока узнать, что можно, про дана Дуранте. Но не успела и появиться на рынке. Дядя пришел к ней первым.

– Мия, у нас намечилось хорошее дело. Хочешь заработать денег?

– Сколько? – тут же уточнила девушка.

– Ну... лоринов сто.

– А что за дело?

– Недавно умер один из самых богатых людей столицы. Дан Кармело Мартино.

– И оставил наследство? – догадалась Мия. Хотя было бы о чем догадываться. Если человек умер, то за ним кто-то наверняка что-то да наследует.

– Наследство там невероятно богатое. Старик всю жизнь собирал антиквариат, у него была богатейшая коллекция, а наследник, мот и ничтожество, сейчас ее распродает.

– А как зовут наследника?

– Джанмария Дуранте.

Мия даже ахнула от неожиданности. И дядя тут же впился в нее глазами:

– Мия?

Девушка уже знала, что отпираться не стоит. А зачем? Что такого она сделала?

– Дядя, я просто недавно заходила в одну лавку. И купила там несколько приятных безделушек... вот, зеркальце, кулончик... хотела к нему еще серьги, спросила, кто продал украшение, и мне сказали про дана Дуранте.

– Что за лавка?

– Кажется, «Товары с кораблей», – сморщила носик Мия. – Не помню точно... показать могу. Сходим? От нефритовых сережек я бы не отказалась.

Джакомо улыбнулся и потрепал племянницу по голове. В тот день за ней как раз следили, так что про лавку он знал, но раз девочка рассказала все сама? Чего настаивать?

Обычный бабский поход по магазинам.

– Полагаю, серьги тоже есть. Ты не хочешь посмотреть дома у самого дана Дуранте? Обещаю, если они найдутся... никто тебе выворачивать карманы не станет.

Мия прищурилась:

– И как я должна это сделать?

– Сколько ты можешь удерживать личину? Уже часа два?

Мия кивнула.

На самом-то деле и больше, но тут многое зависело и от изменений, и от внешних условий... может, и больше. А может, и меньше. Красноглазое острозубое чудовище со змеями вместо волос (да, Мия изучала мифологию!) вообще продержалось минут пять, а головную боль по себе на весь день оставило. Хотя никаких змей там так и так не было, просто косички приняли такой вид. И не извивались, а просто лежали на плечах.

– Тогда нет ничего сложного.

– А можно услышать, что именно не составит для меня сложностей? – невинным тоном поинтересовалась Мия.

– Можно. У него в доме есть любвеобильная служанка. Кстати, не намного крупнее тебя. Недавно за ней начал ухаживать один из наших людей. Выманю дуреху, оглушим, потом ты переоденешься в ее одежду и вернешься в дом. Ночью, когда все будут спать, пройдешь по двору...

– Просто пройду?

– Собаки тебя боятся. Так что не тронут.

Мия хмыкнула:

– Я их тоже боюсь.

Джакомо понял все правильно.

– Мы это учтем, когда будем торговаться. Итак, ты открываешь дверь в дом, открываешь калитку и выпускаешь собак. Они убегают, мы заходим.

– А потом?

– Зависит от тебя. Если ты сможешь подсыпать людям снотворное, они не пострадают... почти. Зачем убивать тех, кто не сопротивляется?

– Всем наверняка не смогу, – задумалась Мия. – И за это только сто лоринов?

– На каждого из вас. Тебе, Энцо, девочкам.

– Дядя, прибавьте нолик. На каждого. И я соглашусь.

– Мия, за такую сумму нам проще нашуметь.

– Не проще, – сощурилась Мия. – Ограбить и убить дана? Искать будут тщательно.

– И что? Это случается регулярно. Даны тоже люди... и потом, это же не живые деньги! Это товар, который надо будет еще пристроить, реализовать так, чтобы не возникло проблем...

– А сто лоринов – это вообще курам на смех. Хорошо, девятьсот. На каждого.

Торговля продолжалась еще около часа. Сошлись на шестистах лоринов. На каждого из Феретти. Причем деньги в банк будут положены сразу же после завершения дела. ДО реализации добычи. И не надо рассказывать, что король Грязного квартала так обеднел! У него и в сто раз больше найдется, надо только потрясти правильно. Да и у вас, дядя...

Разговоров о своих деньгах Джакомо не любил. Так что они с Мией сошлись на указанной сумме, и Джакомо кивнул девушке на шкаф:

– Собирайся. Сходим в таверну из дешевых, посмотришь, кого тебе подменять придется. Послушаешь. Вот верхнее платье. Лицо – ньюра из небогатых. Плащ и обувь внизу.

Мия кивнула.

Белье она оставляла свое. И нижнее платье у нее было подходящее, из простого полотна, но теплое и уютное. А верхнее можно и это надеть.

Испачканное, с прилипшими к подолу кое-где водорослями, с брызгами грызи и рыбьей чешуи...

По одежде тоже можно многое узнать о человеке. Мия это изучала. Сейчас она девчонка из рыбацкой деревни.

Итак, укладываем волосы, как принято на побережье для незамужних, заплетаем косу, заматываем ее в узел на затылке, в него гребень, грубоватый, вырезанный из дерева... На гребень – платок. Сейчас холодно, и ньюры из небогатых поступают именно так. Даны обычно обходятся плащом с капюшоном. И муфтой. Даже небогатые... так принято.

Теперь начинаем менять лицо и тело. Тело – ладно. Можно пододеть кое-что с набивкой в нужных местах, Мия это уже сделала. Можно надеть башмаки на толстой подметке.

Лицо.

Меняется кожа – на загоревшую, обветренную. Меняются глаза – на голубые, чуточку опухшие, глубоко посаженные, с поросычыми ресницами...

Меняется цвет волос. Теперь они непонятно-темные. И даже руки, которые о многом могут сказать понимающему человеку.

Теперь они с короткими толстыми пальцами, загоревшие, в цыпках...

Мия поморщилась и спустилась вниз.

– Великолепно, детка! – восхитился Джакомо.

И Мие стало приятно. Лесть, конечно. Но как же хорошо, когда признают твои заслуги!

* * *

Название таверны девушку позабавило. И кто их только придумывает?

– «Лиловая свинья». Забавно...

– Название должно быть звонким, броским и запоминающимся, – пожал плечами Джакомо. – Закон торговли. И вывеску нарисовать просто.

Мия хмыкнула.

Что ж. Действительно, «Принцессу эльфов» или «Королевскую милость» не каждый нарисует. А и нарисует – иногда лучше б не рисовали, убивать надо за некоторые художества.

А вот лиловую свинью – запросто. Об этом она и сказала Джакомо.

Дядя неожиданно развеселился:

– И такой случай был. Ты же знаешь, для оформления вывесок нанимают студентов?

– Знаю.

Раздеваться Мия не спешила. И без плаща останешься, потому как его здесь сопрут, и вообще – холодно. По ногам дует, ветер гуляет, от очага хоть и тепло, но его миглом выдувает из входной двери. Дешевая таверна, и этим все сказано.

– Так вот. Нарисовал один бездарный мазила короля. Не учел только, что король мимо проехал... это еще при Филиппо Втором было.

Мия задумчиво кивнула.

Историю династий Джакомо преподавал со своей колокольни. И Эрвлины у него представляли ну вовсе не благородными освободителями, как вещал ньор Луиджи. По словам Джакомо, имел место обычный захват. Даже не самый благородный... Что ж. Бывает всякое. Но первое время, пока Эрвлины не уселись прочно своим задом на чужой трон, они были особенно чувствительны к своему статусу.

– То ли у него король трехглазый получился, то ли шестиногий... сие уже истории неизвестно. Но только по названию и опознать можно было.

– Король обиделся?

– Еще как. Призвал и трактирщика, и художника, первого приказал выпороть, а со второго содрать шкуру и повесить над дверью той самой таверны.

– Фу.

– Говорят, художник орал, что он так видит и это его творческое... мировоззрение, что ли? Нет, не помню. Все равно дело закончилось содранной шкурой.

– Я не знаю о такой таверне.

– Она быстро разорилась. Да и не красит та история короля, вот и стараются не вспоминать.

Пока шел разговор, Джакомо проводил Мию к столику, заказал крабов, принес молотки, которыми надо было разбивать панцири, служанка приволокла плошки с маслом...

Минут десять дядя и племянница сосредоточенно жевали. Разбивали панцири молотками, вытаскивали кусочки мяса, окунали их в плошки с растопленным маслом...

Дешево, конечно. Зато горячо, вкусно и сытно, что и требуется местным клиентам. А потом Джакомо толкнул Мию ногой под стол.

Девушка обратила внимание на дверь.

Девушка, кавалер... все обычно и привычно. Вот на девушку и надо было обратить внимание.

Невысокая, лет пятнадцати, круглолицая, смешливая... явно из деревни... чья-то родственница? Если ее взяли в дом к дану, а не выкинули на панель?

– К тетке приехала. Ты смотри, не отвлекайся.

Мия кивнула.

И смотрела.

Как девушка улыбается, как поправляет прядку волос, как кокетливо стреляет глазками, как разговаривает, благо кавалер усадил ее неподалеку... Даже как натерты у нее щеки мелом и свекольным соком. И свеклой же намазаны губы, и сажей подведены брови. Жуть жуткая, но Мие так еще и легче. Под этой краской морды и не видно.

Зачем?

Мие притворяться два-три часа. Недостаточно просто один раз посмотреть. Надо послушать. Усвоить характерные словечки вроде «здоровычка» и «спасибки», посмотреть на жесты, улыбку, на то, как девчонка вроде бы кокетливо, а на самом деле ужасно глупо хлопает глазами...

Это надо впитать, усвоить, ей предстоит так делать. И Мия честно делила внимание между крабами и служанкой. И только когда та ушла, отвлеклась, заговорила с дядей:

– Как ее хоть зовут?

– Моника Амато.

Мия кивнула.

Что ж. Моника так Моника. Авось и не сообразится. Операция была назначена через два дня.

* * *

Столица!

Моника млела от самого слова. От его музыки, от самого значения...

Сто-ли-ца!

Это не их убогие Верхние Пеньки! Это город! Это самый прекрасный город мира! И спасибо тетке – она здесь!

Да, уехать из деревни было хорошо. Там у нее перспектив нет. Никаких. Слово «перспектива» Моника, правда, не знала, но что жить там сложно, это уж факт.

И семнадцать детей в семье, и мамка, которая рожала, как не из себя, и отец, который впахивал, чтобы всю эту ораву обеспечить, но на земле легко не бывает. Работать приходилось со вторых петухов до темноты. Спать – как повезет. Кушать – тоже как повезет.

И на ней вся эта орава детей тоже висела. Старшая ж!

Помощница маменькина!

Даже когда младшие подрастать начали, так новые появлялись! И вот несправедливость! У соседки четверо поумирали, а у них – все здоровы! Хотя ты сама подушкой накрывай!

Вечной мамашиней помощницей Монике быть не хотелось, и она нацелилась на Луку, сына старосты. Выйти б за него замуж – и горя не знать, нищеты не нюхать. Но кто ж знал, что он такой подлец?

В любви клялся, платочек подарил, ленту тоже... а потом и на сеновал позвал. Моника и сама не поняла, как там оказалась.

Наверное, потому, что иначе Лука ушел бы к Розке. А это уж вовсе недопустимо.

Увы, сеновал не оказался гарантией счастья. Моника поняла это очень быстро, когда от нее начали отворачиваться деревенские парни, да и девушки. Хранить секрет Лука тоже не считал нужным.

Отец вразумил рыдающую дуру вожжами, но что было делать дальше?

Ребенка не случилось – хоть в этом повезло. Но и замуж в деревне тоже теперь не выйдешь, разве что за нищего вдовца с детьми. Этого уже не хотелось Монике.

Становиться деревенской шлюхой?

Не то чтобы Монике был противен сам путь, но слишком уж неудобно. Вот в городе, говорят, за любовь и деньги дают, и золотые украшения дарят, и дома покупают...

А в деревне что?

Бабы волосы выдрать могут, а мужики разве что куль муки притащат – и будь тем довольна. Нет, так неинтересно...

Приглашение от тетки пришло как нельзя более вовремя.

Сначала тетка приехала в гости. Она уж лет двадцать как работала кухаркой у дана Дуранте. Раньше-то плохо было, денег у дана, считай, и не было, платил через раз, но хоть

требовал немного. А сейчас дан разбогател, можно нанять себе помощницу, ну и как тут не порадовать своим?

Моника? А и пусть едет в город, раз в деревне жизни нет. У матери еще дочки подросли, найдется, кому по хозяйству помочь.

Тетка сразу предупредила, что, коли девчонка будет гулять, учить ее будут ухватом. Но и согласилась, что в городе про Луку никто знать не будет, жизнь устраивать надо, а мужиков обманывают с сотворения мира. Скания с куриной кровью в первую брачную ночь никто еще не отменял. Авось кто и найдется? Подходящий для женитьбы?

Вот и гуляла Моника по городу.

И с Пьетро познакомилась... вот ведь как! Лука тому и в подметки не годился!

Пьетро был веселым, ласковым, подарил золотую цепочку, хоть и тоненькую, но золотую же! Если б мамка увидела и сестры... ой, нет! Не надо! Точно б отобрали!

В деревне никто таких дорогих подарков не делал. Даже у старостиhi такого не было.

Но здесь же СТОЛИЦА!

Вот и сейчас Моника вырвала свободный часок и помчалась на встречу с любимым мужчиной. Интересно, куда ее сегодня поведут? Может, Пьетро ей предложение сделает?

А что? Неужто она хуже разных там городских?

Так, размышляя о своем, о женском, Моника и шла на встречу с Пьетро.

Вот и любимый мужчина. Улыбается, дарит ей цветок, обнимает... а потом Моника вдруг поняла, что в глазах темнеет.

Попыталась что-то сказать, шевельнуться – и не смогла. Просто потеряла сознание.

* * *

Пьетро, который вообще-то был вовсе не Пьетро, а Белка, один из подручных Комара, довольно улыбнулся.

Так-то... достала его эта девка до печенок, но коли надо, он потерпит. До поры до времени.

Удав гнилушки не сливает, если он сказал – значит, слушаться придется. Тогда и звенелки будут, и побрякушки, и дело делается. Это знали все подручные Комара.

И слушались.

Последнего, кто решил повыступать, вынесли за дверь со стилетом в глазу. Других недовольных не было. А вот, собственно, и Удав. И девка какая-то с ним. Так себе... тощая, невидная. Белка бы на такую не полез.

– Готова? – покосился Джакомо на тело Моника.

– Жива, дышит, – отчитался Белка. – Чего с ней будет?

– Надеюсь, ничего, – нахмурилась девушка. – Давайте ее раздевать...

Единственное, что позволила себе Мия, – это тонкая шелковая рубашка под самый низ. Вся остальная одежда была от Моника.

Белка наблюдал за этим с сомнением.

Ну, можно переодеть дану в одежду этой шлюхи. Но чтобы выдать одну за другую?

А вы павлина за ворону еще не выдавали? Они же так похожи, ну ТАК похожи! Обе – птицы.

Джакомо помог племяннице все надеть, расправить складки, затянуть и уложить. И пома- нил Белку за собой:

– Выйдем минут на десять.

– Как скажешь, Удав.

Белка и не собирался спорить. А когда он вернулся минут через десять...

Одна Моника, прикрытая старым плащом, лежала на полу, на соломе.

Вторая стояла над ней и улыбалась. Точь-в-точь как эта деревенская дурища!

– Матерь Божия! – не удержался Белка, который и в церкви-то никогда не был. Кажись, и не крестили его, кому оно на помойке надобно?

– Похожа, ми-илый?

Слова Мия растягивала точь-в-точь как Моника. И улыбалась так же. И даже локон на палец накрутила тем же жестом.

Белка суеверно перекрестился. Девушка подмигнула ему:

– Хорошая краска и парик – наше все!

Белка кивнул. Только вот... кому другому в уши чуши! А то он не видит ничего! А то он слепой!

Нет на девчонке ни грамма краски! Кроме свеклы и мела. Ну и сажи на бровях. Но черы-то!

Сама морда!

Не-ет... такое не подделаешь... нечисть какая, что ли?

Ох, страшно. Белка хоть и резал глотки, словно огурец на завтрак, хоть и лил кровь, как воду, все равно оставался достаточно суеверным парнем. И сейчас дал себе слово зайти в церковь.

Хоть крестик купить, что ли?

Или пусть святой водой попрыскают?

Но было, было у мужчины подозрение, что против этой нечисти ничего не поможет.

Джакомо проводил девушку почти что влюбленным взглядом:

– Хороша! Ты посмотри, как идет! Копия!

Белка послушно поглядел. Кивнул:

– Авось что и сработает. А с той чего делать будем?

– Или по горлу – и в воду, или в заведение мамаш Крюк. Комар сказал – лишь бы потом не всплыла.

– У мамаш не всплывет, – обрадовался Белка.

И быстро, пока Удав не передумал, пошел в комнату с Моникой.

Нет, не из сострадания. И не из милосердия. Просто за дохлую девку никто и монеты не даст. Да еще потом труп тащи, да еще живот распарывай, к ногам что привязывай... Белка спокойно убивал, но убирать за собой не любил.

А вот если ее к мамаше Крюк...

Долго она там так и так не проживет, у мамаш бордель для *особых* клиентов. То есть вообще с особенными пристрастиями. Которые могут только или когда избивают, или когда душат, когда убивают... а Белка еще ее попросит особо позаботиться о девчонке.

Так что не больше месяца та протянет, может, вообще дня три-четыре.

Но монета ему за это капнет! А деньги Белка любил. Это он людей ненавидел, а вот лорины – его маленькая слабость. Цвет, звук... даже вкус. Его прелесть!

Хотя за эту деревню больше двух монет и не дадут. Но хоть так... все приятно.

И забегая вперед – примерно так и сложилось. Это в красивых сказках герой спасает девицу ДО использования, или случается землетрясение, благодаря которому девица бежит, или в нее влюбляется главный злодей.

А в жизни...

В жизни все проще и печальнее.

Бордель.

Клиент с интересными пристрастиями.

А потом – люк в подвале, который выходил прямиком на реку. Тела там исчезали совершенно бесследно. Разве что рыбы расплодилось...

Но ее там давно и щедро подкармливали. Так что... в деревне Монику никто не искал и не ждал, а в городе и искать-то было уже некому. Комару и его подручным в очередной раз все сошло с рук.

* * *

Мия прошла по улице.

Шаг она тоже подделывала под семенящую походочку Моники. Вот и нужный ей дом. Ключи.

Собаки...

Собаки послушно заскулили, поджали хвосты и удрали в дальнюю часть сада. И как их потом выгонять прикажете?

Ладно, разберемся... кусок мяса вон взять, позвать, кинуть – и побегут как миленькие.

– Явилась? – встретила ее недовольным голосом тетка Моники. – Давай живо, тебя посуда ждет не переждет...

Мия молча кивнула и направилась к большому чану с замоченной в нем посудой. Да, вот такие обязанности были у Моники.

Мыть, чистить, убираться... тетка готовила, девчонка скребла все, на что взгляд упадет.

Тетка продолжала ворчать:

– Ишь ты, раскрасилась... учти – в подоле принесешь, так выкину взашей...

Мия не обращала внимания на ворчание. Она послушно оттерла посуду, потом перемыла кучу овощей, перечистила их на завтра...

Тетка отвязалась и замолчала.

Мия коснулась снотворного в кармане и подумала, что – увы. Ничего у нее не получится. Дядя хотел, конечно, без лишнего шума, но – как? Как вы это себе представляете?

В доме около десятка человек. Слуги, конюхи, псарь, сам хозяин... и все они будут есть или пить что-то одно и то же? Вряд ли.

Один способ усыпить всех окружающих у Мии был. Лютя. Но до нее еще добраться, на ней еще поиграть всласть, да и засыпают только те, кто слышит музыку. Тоже... она что – Крысолов из известной сказки?

Чтобы идти по дому, а все вокруг засыпали и засыпали?

Ладно, Крысолов за собой людей выманивал. Но ему ж и легче было! Он на дудочке играл! А вы поиграйте на лютне – в движении? Посмотрим, какой у вас кошачий концерт получится!

Так что Мия послушно мыла, терла и ждала ночи.

И дождалась.

* * *

Конечно, спать пришлось на кухне, рядом с теткой. На узенькой лежанке, на матрасе, который по толщине мог поспорить с листом бумаги. Уснуть на таком?

Настолько Мия не устала, право слово.

Пришлось просто лежать бревном и ждать, пока уснет тетка. Вот та захрапела почти мгновенно. Мия поднялась.

Сейчас она выйдет во двор... да, надо кусок мяса с собой прихватить, вот оно, замариновано на завтра...

Девушка подошла к столу. Аккуратно достала нужное...

– Моника?

Тетка подняла голову. То ли от прохлады, Мия-то встала, а воздух холодный, одеяло тонкое, они, считай, друг о друга грелись. То ли Мия чем неосторожно брякнула...

Женщина еще ничего не видела, еще не понимала, что происходит, но далеко ли до шума?

Считай – пара секунд.

Тесак, которым резали мясо, словно сам собой оказался в руках у девушки. Движение, удар...

Мия целилась по шее, по шее и попала. А с перерезанным горлом, если что – не слишком-то и поговоришь. Не крикнешь, не поднимешь тревогу. Только вот и все остальное...

Кровь хлынула потоком. Голова женщины откинулась назад, в разрезе показалось что-то белое, влажно хлюпнуло... и нет. Сразу человек, которого так ранили, не умирает...

С бандитом было иначе, там Мия не видела, не смотрела. А вот здесь...

Убежать никуда не получится. И отвернуться тоже почему-то нельзя. И... эта женщина ничего плохого ей не сделала, она просто жила, работала, любила свою племянницу, а Мия... Мия ее...

Зрелище было настолько омерзительное, что девушка сначала проблевалась в углу, а потом опомнилась. И поняла, что личина с нее сползла, словно снег с крыши.

Так... вернуть на место.

Никто из дядиных подручных ее в настоящем облике не видел – и не надо. Даже туда, где лежала Моника, Мия пришла уже с частичными изменениями. Не тот цвет волос, не те глаза...

Дядя знает, и этого достаточно. Остальным уж точно ни к чему.

Тесак валялся рядом с убитой.

Мия вдохнула, выдохнула... вот сейчас ее затрясло. Бросить бы все, убежать...

Энцо.

Девочки.

Дядя...

Убежать-то можно. А вот что им дальше делать?

Если сейчас она сломается, если сейчас закричит, побежит... кстати – куда? С ней все равно все будет кончено. Она УЖЕ убийца, она уже заслуживает казни. Она уже преступила закон.

Ее не защитят. Единственный, кому она нужна, – ее дядя. И от него сейчас они все зависят. И она, и брат, и сестры. От его доброй воли.

Мысль о близких сработала не хуже любой нюхательной соли. Девушка резко провела ладонями по лицу, словно стирая что-то грязное, заставляя себя не думать, не помнить, вытащила тот самый кусок мяса, отворила кухонную дверь и вышла. Собаки сначала шарахнулись, потом почуяли мясо, заскулили... псарь уже спал. Вот и ладненько. Мия спокойно, никого не встретив, дошла до калитки, отворила ее – и выкинула туда мясо. И отошла подальше. В направлении псов.

Собачья логика была проста.

Здесь – гадкое и страшное существо. Которое даже не человек.

Там – вкусное мясо. И воля!

Какой пес не мечтает хоть раз удрать? И всласть поноситься, где захочется?

Тем более что...

Подручные Комара отлично видели и как открывается калитка, и как вылетает на улицу мясо, и...

– Выпускай! – махнул рукой один из них.

Идеальное средство. Течная сучка.

Через десять минут ни в саду особняка Дуранте, ни в его окрестностях не осталось ни одной собаки. А мужчины серыми теньями заходили в калитку, скользили дальше, к особняку...

От Моники отлично было известно и сколько слуг в доме, и кто где ночует... Белка все выпросил. Прикинулся влюбленным ревнивцем, ну девка и повелась. Чего б нет?

А ты где спишь? А по ночам к тебе никто не пристаёт? А то небось у вас там и слуги, и стража, и конюхи... Моника разболтала и то, чего не знала.

Серые тени зашли в конюшню.

Серые тени зашли в дом.

В людскую, где спали слуги...

В покои, в которых жил дан Джанмария Дуранте...

Единственное место, в котором правки не требовалось, – это кухня. Жаль, но резня все же состоялась. Не оставлять же живых свидетелей?

Джакомо (а он зашел в числе первых) на кухне выговаривал Мии:

– Ты не могла их усыпить?

– Я дана вообще не видела, конюхи на кухне не появлялись, эта дура вышла к любимому после ужина, – отрезала Мия. – Если б ДО – другой вопрос, за общим ужином можно и снотворное подсыпать. А так – нереально.

– Грязно получилось, – вздохнул Джакомо. – Тихо, но грязно.

Мия равнодушно пожала плечами. Вот уж этот вопрос ее не волновал.

– Возьмите да особняк подожгите. И все.

Джакомо кивнул.

Понятно, они так и сделают. Идея хорошая... но сколько ж добра тут сгорит! Хотя самое ценное они заберут.

– Ты отсюда что хочешь взять? Может, какие побрякушки? Или еще что?

– Нефритовые серьги, если найдутся, – тут же напомнила Мия.

– Обязательно. Не в счет твоей доли добычи, обещаю. А еще?

Мия качнула головой:

– Я бы в библиотеке порылась, пока есть время. А так – неинтересно.

– Пока – есть. Комар людей сюда отрядил, выносить много чего будем.

И выносили.

Тащили мешками, тащили сумками и тюками... первым делом в сумки отправились драгоценности. Дана Дуранте сразу убивать не стали. Связали и сейчас аккуратно допрашивали. Аккуратно – не в том смысле, что его берегли. Чего с будущим трупом церемониться? У дана уже и ухо отвалилось, и несколько пальцев...

Аккуратно в том смысле, чтобы не орал. Зачем шум поднимать, людей беспокоить? Пусть спят, нечего мешать ночным трудягам. Им еще столько перетаскать предстоит!

Нашлись и деньги, и побрякушки, и кое-какие интересные шуршалки...

Мия в это время была в библиотеке.

Ее интересовали остров Линдано и мастер Сальвадори. И она не прогадала.

Именно в библиотеке она нашла толстенный гротеск с записями, что, когда и у кого куплено. Странно?

Да ничуть!

Дан Дуранте в антиквариате вообще не разбирался, продавал ценности чуть ли не по цене материалов, а в книгу даже и не заглядывал. Какая разница, у кого и чего там дядька купил?

Да тьфу на него.

А книга? Так книга же! В библиотеку!

Почерк у покойного антиквара был четким и ясным, Мия листала странички... и чуть зубами не заскрипела.

Зеркало. М. Э. Сальвадори. Шкатулка из палисандрового дерева с инкрустацией перламутром. Набор курительных трубок.

Цена...

Продано – неизвестным. И циферка – один.

Учитывая, что напротив других предметов частенько стояло название лавки или фамилия продавца... значит, кто-то приходил один раз. Как поняла это Мия.

А кто, что...

Говорите, шкатулка?

Набор курительных трубок?

Покойный антиквар человеком был предусмотрительным. И даже описывал, что и куда дел. Напротив зеркала было помечено – главный зал, коллекция.

Напротив курительных трубок – курительная.

Напротив шкатулки – опять курительная. Ага, понятно. Трубки в шкатулке и лежали...

А где тут курительная?

Мия вышла из библиотеки, пошла направо, дергая по дороге все двери... по идее – рядом. Библиотеку, кабинет, курительную – все это делают неподалеку. Вот и отлично...

Курительная нашлась через две двери. Роскошная...

Тут и кресла, тут и шикарные наборы трубок – несколько видов, и кальяны, и что пожелаешь... сугубо мужское гнездо. Мия принялась осматривать шкатулки.

Одна, вторая...

А вот эта – из палисандра. Это она уже могла отличить, пожив в доме купца. Еще как могла. Да и перламутром крышка была только у нее выложена.

Мия хозяйственно открыла ее, убедилась, что трубки на месте, закрыла и забрала. Пригодится.

Что еще себе забрать?

Да как-то ничего особенно и не нужно. Разве что книги какие в библиотеке посмотреть? И нет, Мия не боялась, что ее потом уличат в краже или убийстве. Во-первых, не факт, что кто-то знает все унаследованное имущество наперечет.

Во-вторых, дан Дуранте распродал наследство своего двоюродного деда по всем лавкам. Можно сказать, что она его купила.

Добычей Мии – так, сувениром для девочек, – стали два шикарных молитвенника и четыре книги с легендами и преданиями. Все великолепно выполненные, в инкрустированных переплетах, с потрясающими иллюстрациями, явно нарисованными вручную.

Не книги – произведения искусства.

Что ж. Мия, считай, их спасает. От огня и гибели. Можно собой гордиться.

Джакомо, видя добычу племянницы, не сильно удивился. Разве что...

– А трубки тебе зачем?

– Незачем, – фыркнула девушка. – Мне шкатулка понравилась. Я в ней гребешки хранить буду, те свои, с инкрустацией перламутром. А трубки... Не выкидывать же?

Джакомо кивнул и отвязался. Ему было не до того.

Удав распорядился погрузкой самого ценного.

Ну да.

Мало прийти в дом. Надо ж еще определить, что из него забрать! А кто будет определять?

Белка, который как был трущобной крысой, так и остался? Сам Комар?

Ладно... последний уже вырос до размеров ну очень крупной крысы, но в хороших вещах он разбирается плоховато. Это Джакомо, как купеческий зять, отлично знает цену и одного, и второго, и третьего... да, хорошо, что Мия сообразила. В библиотеку тоже бы наведаться. Иные книги сейчас по весу в золоте стоят, а то и по два веса.

А времени мало, так мало...

Джакомо прямо-таки мучения испытывал, глядя на то, сколько всего придется оставить. Но рисковать не стоит.

Это – дан.

Скажем честно, если так получилось, пришел пьяный, свечу столкнул, та загорелась... это – одно. Тут стража попытается закрыть глаза на происходящее, особенно с некоторой смазкой. Пожар ведь! Кто от такого уберется?

А вот если найдут особняк с трупами... э, нет! Тут уж снисхождения не жди. Дойдет до короля, тот из принципа прикажет найти негодяев и кишки им размотать. А дойти может.

Это кому-то может показаться, что в столице все сидят за своими заборами и соседей не видят... Как же ж! Первыми вернутся к родному дому псы. Начнут скулить, проситься домой, их никто не пустит, они взбудоражат соседей... это еще хорошо – соседские собаки молчат. Ну, так привыкли.

Если собака начнет на каждый шум у соседа лаять или выть, ее просто пришибут рано или поздно. Ты знай свой двор береги. А в чужом пусть хоть голяком по крыше ходят – их дело.

Но выть собаки точно начнут. На такое число покойников-то...

Потом еще молочник, мясник, зеленщик...

Это кто попроще идет на рынок и там закупается. Стоило дану Дуранте разбогатеть, как он приказал доставлять ему все на дом.

Он же ДАН!

Ему так положено!

То, что он только и может, что наследство прожирать, что сам он на редкость бесполезное существо, что толку с него меньше, чем с тех собак...

Да вы что?!

Благородные даны – опора трона! Правда, вот эта конкретная опора кроме карт и костей ни в чем интересном замечена не была, но мало ли что? Может, и такое трону пригодится?

Нет, рисковать и оставлять особняк закрытым хоть на один день попросту нельзя. Так что тащим, что можем, а остальное подождем.

Вынести тела, а особняк запереть? Мол, уехали куда?

Нереально. Кровь не замоешь, следы не спрячешь. Да и родственники понабегут. Это у кухарки родня в деревне, а у других-то в городе!

Так что...

Грузим, ребяташки, не стесняемся! Грузим!

* * *

Дома Мия уселась перед зеркалом.

Перед зеркалами.

И медленно, очень медленно выдохнула, словно отпуская себя на волю. Приказывая разжаться ледяным тискам внутри.

Сегодня, именно сегодня она стала убийцей.

Для самозащиты не считается. А вот когда по ее вине – себе врать не надо! – именно по ее вине погибли эти несчастные...

Комар все равно нашел бы тропинку в особняк?

Джакомо придумал бы другой план?

Да, безусловно. И Мия осталась бы неиспачканной. Наверное...

А может, они и отступились бы, понимая, что добыча им не по зубам? Мия об этом никогда не узнает. Никогда...

Потому что она виновата.

Она пришла, она открыла двери, она... она убила своими руками.

Снова накатили воспоминания о том, как кухарка бьется на убогом ложе и подняться не может, потому что она уже умирает, она просто не осознала эту смерть, а вокруг кровь, красная, и руки у Мии тоже по локоть в крови...

Почему это произошло с ней?!

За что?!

Чем она таким успела нагрешить?!

Мия тихо застонала. Почему-то даже кричать сил не было, горло стиснуло, словно клещами. Почему, ну почему в ее возрасте даны учатся вышивать и молиться, ждут предложения от будущего супруга, ходят в храм... и все, пожалуй.

А она?

Как получилось, что ее жизнь превратилась вот в это?

С другой стороны... она бы хотела иного? Она бы хотела тишины, покоя, уюта... и чтобы вышивка и молитвы, хозяйство и дети, и так день за днем, день за днем, а потом смерть, которая приходит, словно избавление от затянувшегося кошмара?

Нет. Такого она для себя не желала...

Она не сможет, не сумеет. Еще тогда, когда умирал отец, она приняла все как должное. Она все взяла на себя, она стала главой семьи, она, а не эданна Фьора. Да и нет у нее выбора.

Никогда не было.

Она метаморф, проклятая Богом тварь, ее просто убьют, если узнают. Так что не будет у нее никогда ни дома, ни детей... ничего не будет. Вот и жалеть не о чем.

Ее бы убили, и эти люди смотрели бы, как ее сжигают или четвертуют. Так почему она должна их любить, уважать, заботиться? Почему?

В природе волк ест зайца, и его никто за это не осуждает. Вот и она себя осуждать не будет. Эти люди – ее добыча.

Ее пища!

Не нравится? А мы посмотрим, кого еще нужно скушать!

Мия нашла гармонию в этом решении. Я вам чужая? Вот и отлично, значит, вы по праву моя пища, потому что я сильнее и хищнее. И не мучила ее больше совесть, и не думала она о несчастных и ни в чем не повинных слугах. Все ее мысли были о неизвестном, который продал шкатулку, трубки и зеркало.

На Линдано она в ближайшее время не попадет. А это... это хоть какой-то след.

Может быть, пустой и зряшный. Тоже вполне возможно. Мало ли кто мог продать зеркало, мало ли к кому оно могло попасть в руки? Мастер Сальвадори для того эти зеркала отливал, чтобы торговать. Но...

Но вдруг?

Ну, хоть что-то интересное?

Мия вытащила трубки, осмотрела каждую на предмет клейм и инициалов. Нет, все девственно-чистые. Кажется, даже необкуренные. Просто лежали.

Красивый набор, но и только.

Шкатулка?

Что ж, и ее стоит осмотреть. И дно, и вообще все...

Мия прошупывала, осматривала, простукивала... ага, как же! Это только в любимых романах девочек обязательно есть и призраки, и тайны, и письма под вторым дном в шкатулке. А в реальности такого не дождешься!

Никто не думает о бедной Мие!

Могли бы хоть записочку оставить...

Так? А это что такое?

Это – чей знак? Или герб?

Мия в жизни не заметила бы его, если бы не подняла бархат, которым было выстлано дно шкатулки. Но... минутку?

Трехлучевая звезда?

Герб... ладно, фирменный знак мастера Сальвадори? Только без букв?

Да ладно! Вы мне хотите сказать, что эти трубки принадлежали мастеру? Для этого они выглядят слишком свеженькими! Или...

Минутку. А могло быть иначе? Мия сняла со стены зеркало, примерила его к шкатулке. А ведь подходит... практически идеально! Вместилось, улеглось, как родное...

Мия потеряла лоб.

Могло ли так быть? Есть трубки, зеркало, шкатулка? Зеркало из нее вынули, трубки положили? Да так и продали?

Но зачем? В чем смысл действия? Разве что зеркало – одно, а трубок несколько? Их неудобно было сваливать кучей? Как-то это нелогично. Но ведь факт! Похоже, что шкатулка и зеркало – парные. А вот трубки доложены уже потом...

Дядя застал Мию над шкатулкой:

– Племянница, ты нефритовые серьги хотела?

– Да, дядя. Неужели попались?

Плевать было Мие на серьги. Но если уж сказала про них, надо играть до конца.

– Конечно. Вот, держи.

В ладони Мии опустились красивые сережки. И верно, подходят к кулону. Мия не удержалась, надела, полюбовалась.

– Прелесть! Спасибо, дядя.

– Собираешься их в шкатулку уложить?

– Мне кажется, там все и так хорошо легло? Разве нет?

– Как родное. А с трубками что делать будешь?

– Не знаю...

– Вообще, тут полный набор. Несколько трубок, разные чашки, мундштуки, ершики, ножики, крышечки – все как полагается. Комплект.

Мия задумчиво кивнула:

– Интересно, а кто мастер?

– Клейм нет?

– Я не нашла.

– Сделано вроде недавно. – Джакомо тоже заинтересовался, повертел трубки в руках. – Мне кажется, такое может сделать только один человек.

– Кто?

– Мастер Гаттини. Фабрицио Гаттини. Кстати, он и клейма на свои трубки не ставит. Ни на одну. Вот смотри, как сделано. Чистенько, аккуратно, изящно даже...

Мия только вздохнула.

Имя мастера ей ни о чем не говорило. Но... она запомнила. Надо бы навеститься, узнать, кому он продал эти трубки. А вдруг?

И кстати...

– Дядя, а когда вы мои деньги отдадите?

Джакомо улыбнулся:

Ну да. Трофеи трофеями, трубки трубками, а деньги – это святое! Племянница! Сразу родная кровь чувствуется.

– Завтра же, дорогая племянница. Завтра же ходим в банк.

– Ловлю на слове.

Ей-ей, Джакомо был горд подрастающим поколением.

Сегодня Мия убила человека, поприисутствовала при убийстве еще нескольких людей, собрала трофеи, не забыла спросить про деньги... У него чудесная племянница, не правда ли?

Глава 2

Адриенна

И Адриенна, и дан Рокко исходили из того, что времени у них практически нет. Что там могла запутать Джачинта?

Даже не смешно!

Исходя из того, что у противника голова на плечах, а не тыква...

Допустим, он будет поглупее, будет носиться по всем городским воротам, будет кого-то опрашивать... или попросту сядет и подумает? Недолго, так, минут пять.

Куда может податься Джачинта? Притом что за ней наверняка следили и любовника у нее нет? Да к отцу или к сестре! Тоже мне, ребус!

Просто надо еще узнать, куда назначен дан Рокко, а это не афишировалось. Его величество точно не будет давать Бартоломео отчета. Джачинта уверяла, что никто другой о назначении отца не знает. Она и сестрица, она дану Леони ничего не говорила, сестра тоже, надо полагать, молчала. Если кому и сказала, так своему супругу...

Опять же сестра жила ближе. Буквально в трех днях пути.

То, что Джачинту не догнали до сих пор, это просто потому, что одна из найденных ею женщин выехала в нужном направлении. Туда Бартоломео и направился.

Но это ненадолго, доберется до сестры, расскажет «охотничью историю», узнает, куда назначили дана Рокко, и приедет. Прямо сюда.

Так что надо исходить из того, что погоня уже движется по пятам. День, может, два – и дан Леони будет здесь. И выставить его не получится. Придется или идти на открытую ссору, или действовать по намеченному плану. Второе лучше, потому как безопаснее для Джачинты.

С утра дан Рокко еще расспросил дочь, получил те же ответы, что и ранее, и Адриенна отправилась в деревню. Им срочно было нужно снадобье.

Яд?

Честно говоря, не будь в доме эданны Сусанны – Адриенна бы подумала и над этим. Если человек готов ради денег убить беззащитного ребенка, то жить ему всяко не стоит.

Хотя страшновато как-то...

Все внутри Адриенны противилось убийству. Это ведь живой человек... и он когда-то был ребенком, и у него была мама, и раскаться он может, и что-то осознать. Но только живой.

У мертвых такого шанса нет.

Дан Рокко с Адриенной не спорил – зачем? Он был мудрее и знал: жизнь еще научит дану своей горькой мудрости. Но пусть пока она немножечко еще побудет ребенком. Так что – деревенская знахарка.

А вот и избушка на отшибе. Старая, но крепкая, еще сто лет простоит. Дым из трубы идет. И кажется, что от нее травами пахнет.

– Дана, может, не надо?

Марко эта затея не нравилась.

Адриенна пожала плечами:

– Подожди здесь. Я скоро вернусь.

– А может...

– Марко, я при тебе о своих интимных делах говорить должна?

Марко смутился и отстал. Даже ему Адриенна и дан Рокко всей правды не сказали. И никому не скажут. И так... нет, лучше о таком молчать.

Адриенна спрыгнула с коня, бросила Марко повод и постучала в избушку. Хрипловатый голос отозвался изнутри:

– Входите, коль не шутите.

Адриенна точно не шутила. Толкнула дверь и вошла.

* * *

Знахарка была похожа на знахарку, и в то же время в ней было что-то неправильное. Не простонародное. Не забитое, не деревенское.

Посмотришь – деревенская бабка, старая, сгорбленная, в каких-то лохмотьях... А глаза ясные, острые, умные. Так и блестят среди морщин. И светится в них вовсе не деревенская мудрость.

– День добрый, дана.

Адриенна даже не удивилась. Она тут одна такая на всю округу.

– Здравствуйте. Вы меня знаете?

– На вашей земле живу, – без особой враждебности откликнулась знахарка. – И не знать дану СибЛевран?

– А я вот вашего имени не знаю, – вздохнула Адриенна.

– Когда-то Иларией звали. Сейчас тетка Ата.

– Так и называть?

– А называйте, дана. Имя не сума, руки не оттянет.

– Хорошо... тетушка Ата, – согласилась Адриенна. – Скажите, вы в травах хорошо разбираетесь?

– Приворотного делать не буду. И не умею, да и глупо это.

Адриенна фыркнула:

– Приворотное мне и не нужно. Перебыюсь.

– А что тогда?

– Скажите, есть ли у вас такое средство, чтобы человек... ну, как с ума сошел? Ненадолго только?

– Такое средство у всех есть, самогон называется. – Знахарка подсмеивалась, а сама смотрела испытующе. Словно ждала чего-то такого от даны... серьезного, важного, очень нужного и самой Адриенне. А это... как испытание. Поймешь, дана? Или разгневаешься?

– Мне бы побыстрее.

– И такое есть. Не для мачехи ли?

Адриенна качнула головой:

– Отец с ней так и так не расстанется. Хоть она на башне голяком танцуй. Это для другого человека, который в беду попал.

Женщина явно сомневалась. Но и выдавать первой же знахарке их с даном Рокко план? На такое Адриенна пойти не могла. Это не ее тайна и не ее дочь. Но она бы тоже на все пошла, чтобы спасти своего внука, разве нет?

Адриенна подняла руку:

– Хотите, на Библии поклянусь? Крест поцелую?

Знахарка внезапно рассмеялась. Весело и живо.

– Ой, уморила, дана! Не могу! На Библии! Да тебе можно просто слово дать – судьба такая.

– Судьба?

– Я уж и не думала, что увижу потомков Высокого Рода. Ан нет, сподобилась.

Адриенна подняла брови:

– Высокого Рода? Что это значит? Вы раньше не видели данов?

– И данов видела, и на короля насмотрелась, чай, не весь век здесь живу, – хмыкнула тетка Ата, отворачиваясь и начиная перебирать какие-то склянки. – Вы что ж, дана, о себе ничего не знаете? Даже чьи потомки СибЛевраны?

– Знаю, – буркнула Адриенна.

– А то колечко-то у вас на руке непростое...

Девушка даже рот открыла:

– Откуда вы знаете о кольце?

– А кто другой его и не приметит. Я уж стара, помирать скоро, вот и вижу.

Адриенна помотала головой:

– Подождите. Что-то я не понимаю...

– Кольцо осталось, память исчезла. Да и была ли та память?

Адриенна подумала, что память весьма даже есть. Очень реальная и осязаемая. Морганой зовут. Но... могла прабабка что-то недоговорить? Запросто! Даже не потому, что хотела причинить вред Адриенне. Просто есть вещи, которые для нее само собой разумеются, а вот для Адриенны – нет.

– Вы не могли бы объяснить? Пожалуйста!

Знахарка только кивнула, насыпая порошки в небольшую ступку и принимаясь растирать их.

– Когда-то на земле жили не только люди. Еще и другие... их называли Высоким Родом. Они были похожи на людей, но даже внешне... Лучше. Красивее, выше, сильнее, мудрее... они учили и лечили, они рассказали о травах и законах. Они – ушли. Но, как я погляжу, не все.

Адриенна кивнула в ответ. Могла ли таковой быть Морган? Да запросто! Обычные люди не вытворяют того, что она, это уж факт.

– Они могли иметь совместное потомство с людьми?

– И могли, и имели. Кто-то к этому относился как к игре, кто-то серьезно. А кровь – кровь игры не терпела. У кого-то она вырождалась, может, и искорки там уже нет. А у кого-то осталась, сохранилась в полной мере. И проявляется.

– Как именно?

– Силой, дана. Я раньше слышала, что счастье Сибеллина – плодородие земли, а теперь это на вас вижу. Ваши земли всегда счастливы вашей волей...

– Я слышала об этом.

– А о другом? Всякая смерть вам противна. Высокие – хранители жизни, а не слуги смерти.

Адриенна об этом не слышала. Но теперь понимала, почему ей противна охота, почему она не любит казни, почему даже дана Леони убивать не желает. Если такова ее природа?

С другой стороны... люди всегда одинаковы, и дан Леони обычный человек. А Высокие... они наверняка сталкивались с людьми.

– И они были так беззащитны?

Знахарка хмыкнула:

– Говорят, что у них были свои защитники. Умелые, опытные, безжалостные, которые принимают чей угодно облик при необходимости... они тоже ушли вместе с хозяевами.

– Так... – Защитников, увы, не предвиделось. Придется разбираться самой. Но вообще Адриенна верила. Вот пример – Морган. Наложил проклятие и тут же заплатила за это. – Где подвох?

– Все правильно. Высокий Род может учить, лечить, приносить благодать на свою землю. А вот убивать... лучше не надо. И слово нарушать тоже.

– Я уже, – вспомнила Адриенна эпидемию. – Так получилось... своими руками я не убивала, но люди погибли... наверное, из-за меня.

– Случился выплеск силы, – даже не удивилась знахарка. – Такое бывает, когда Высокие взрослеют. Или когда им плохо, больно... это было неосознанно? Или защищаясь?

– И то и другое, наверное... я действительно была в истерике, не соображала, – созналась Адриенна. – Но вины с меня это не снимает. Люди умирали.

– Не страшно. За это ты не будешь платить. Вина падет на тех, кто напал первым.

Адриенна кивнула. Хорошо, если так. Пусть платят Эрвлины, она это не начинала. Вот уж кого ей не было жалко, так это Филиппо Третьего. Пусть хоть лишаями покроется, хоть проказой. И Четвертого – тоже.

– А слово тебе действительно нарушать нельзя. Вообще.

– Да? – Так получилось, что Адриенне не приходилось врать. Никогда. Но...

– Ты уж мне поверь. Говорят, Высокий Род никогда не лгал. Впрямую. Но двойных смыслов в их речах было...

Знахарка перешла на «ты», видимо, ей так было привычнее. Адриенна не обращала внимания. Ей было важно и интересно.

– Двойных смыслов?

– Слышала сказочку про ученика чародея, который призвал демона?

– Их много таких...

– Демон поклялся служить, пока на небе светит солнце, и убил хозяина, когда оно закатилось. Не на пустом месте сказочка-то появилась...

– Да? – ничего более умного у Адриенны не получилось.

– Уж ты мне поверь. На себе проверять куда как больнее будет. Вам слово нарушать нельзя, и обманывать впрямую тоже, и предавать. Чем за это Высокий Род платил, я не знаю. А потомки... жизнь, здоровье, может, и еще что. Не знаю точно.

Адриенна кивнула:

– Я запомню. Спасибо.

На стол легла золотая монета.

Знахарка улыбнулась:

– А серебра, креста, причастия, церкви – не бойся. Даже когда Высокий Род в силу входил... вы не демоны. Не нечисть. Вы плоть от плоти этой земли. Вы другое, совсем другое...

Адриенна кивнула:

– Я поняла. Скажите, а таких, как я... нас можно как-то отличить?

Знахарка хмыкнула. Подумала пару минут.

– Вряд ли. Не было у Высокого Рода особенных примет, не было ни родинок, ни отметок, как у ведьм. Вы же не ведьмы.

Адриенну это порадовало.

– То есть – никак? Вы видите, а кто не увидит...

– Тому и не надо. Впрямую вас никак не опознать. Не болеете вы ничем, люди рядом с вами хорошо себя чувствуют, земли изобильны... Высокий Род хоть на острове голом оставь, так и там все зазеленеет. Но это не преступление. Это случается...

Адриенна кивнула.

– Внешность? Вы разные... только что на предков похожи, но это и среди людей встречается.

Фу-у-у-у... и тут слава Богу!

– А больше ничего и нет. Никак вас не узнают, если сама не скажешь. Я вижу, ну так я немного другое...

– Вы... вы тоже?

Женщина качнула головой:

– Нет. Я – нет. Я наоборот... дурой я была, дана. Силу хотела, власть, золото, а что платить за это придется, и не подумала. А когда поняла... поздно было. Оно так всегда бывает – слишком поздно.

И замолчала. И было видно, что говорить ей об этом не хочется.

Адриенна медленно склонила голову:

– Спасибо вам, тетушка Ата. Вы мне помогли. Очень.

– Не за что. Ты обращайся, пока я жива, дана. Мне уж недолго осталось, может, весну и не увижу.

– Для умирающей вы очень хорошо выглядите, – качнула головой Адриенна.

– У меня опухоль в груди. Вот здесь. – Знахарка приложила ладонь чуть ниже горла. – Дай руку?

Адриенна послушно протянула ладонь. И ахнула.

Все верно. Под одеждой, под тонкой человеческой кожей билось... нечто. Как будто кусок льда внутри человека положили.

– Ой...

– Я и жива-то потому, что на твоей земле, дана. А это дорогого стоит.

Адриенна задумчиво кивнула:

– Это и к людям относится?

– Да. Люди, животные, сама земля... вы – ее счастье. Ее свет, ее тепло и радость.

– А если... допустим, меня убить?

– Проклятие. На весь род.

– Это кого-то остановит?

– Сложный вопрос. Пострадают и убийца, и заказчик, но тебя, дана, это уже не вернет.

– Понятно.

Знахарка грустно вздохнула.

Понятно ей. Дети-дети, вы так торопитесь взрослеть... зачем? Чтобы потом иступленно мечтать вернуться в детство. Ну, хоть на час, хоть на секунду. И ничем тетка Ата помочь уже не сможет. Разве что предупредить, рассказать... слова – только воздух. Только ветер. Но иногда и ветер может стать ураганом.

– Вот и снадобье. Буквально щепотку в вино – и пусть пьет. Через полчаса и начнется.

– Так...

– Захочешь убить – пять щепоток на бокал вина. Захочешь, чтобы с ума сошел, – пои этим несколько недель. По щепотке в день... никакой лекарь потом не поможет.

Адриенна кивнула:

– Спасибо.

– Это я тебе благодарна, дана. Береги себя – и иди с Богом.

Адриенна дружески попрощалась и вышла за дверь. Кольцо на руке было теплым и родным...

Неужели кто-то еще может его видеть? А если при дворе?

Но единственное, до чего додумалась Адриенна, это заказать еще несколько колец и носить при дворе, не снимая. Авось среди многих одно важное не будет привлекать внимания?

* * *

Пока Адриенна разговаривала со знахаркой, дан Рокко беседовал с мужчинами.

Проще всего было с Леонардо. Сто лоринов – и он соглашался подписать хоть что. Подумаешь, едет сюда какой-то сумасшедший? Ну, бывает... был бы умный, точно бы сюда не поехал из столицы. Там-то всяко веселее, чем в этом захолустье.

С даном Марком чутьочку сложнее.

Дан Марк ломался, не хотел ничего подписывать, но дан Рокко легко нашел к нему нужный подход. Чего уж там... надо было только с этим подходом на пять минут наедине остаться.

– Эданна Сусанна?

– Дан Рокко?

Эданна управляющего, мягко говоря, не любила. Но спорить с королевской властью? Ищите дуру в другом месте!

– Сто лоринов лично вам. Пятьдесят вашему супругу.

– И что я должна сделать?

Мурлыканье Сусанны дана Рокко не привлекло. Равно как и кокетливое движение пальчика вдоль выреза платья. Видал он эти виды... их вообще полдвора видало.

– Уговорите мужа подписать бумагу о поведении нашего гостя. О том, что гость безумен. Вы сможете.

Эданна Сусанна в этом и не сомневалась. Ради нее муж что угодно подпишет. Но как не поторговаться?

– Дан Рокко, а кто вам дороже? Родная дочь – или эта наглая сопля?

Дан Рокко улыбнулся милейшим образом:

– Эданна Сусанна, я ведь могу и другой путь найти. Мне, знаете, и жизнь дорога тоже... что со мной недовольный король сделает – представляете?

Эданна представляла. И себе такого не хотела.

– Вот. Что толку выручать дочь, если я свою голову сложу? Деньгами расплатиться – пожалуйста. А чем другим не получится.

Эданна поморщилась. К отказам она не привыкла, но понимала, что дан Рокко отказать может. Она ведь с ним не спала...

– Хорошо. Сто пятьдесят монет золотом. Но еще я хочу арайку.

– Арайку?

– Взамен той, что у меня увела эта наглая гадина!

Дан Рокко вздохнул даже с какой-то обреченностью:

– Эданна Сусанна, зачем вам лошадь, которая тут через два месяца подохнет? Вы же на ней даже покрасоваться не успеете!

– Как – два месяца?

– А вот так! Дан Марк хоть и разбирается в коневодстве, а тоже не сообразил. Арайцы – гости южные, нежные... за ними такой уход нужен, как не за всяким человеком. А кто у нас тут ухаживать будет? Конюхи? Они народ простой, грубый. Да вы и сами знаете...

И хитрый взгляд.

Мол, не зарывайся, у тебя тоже рыло в пуху, да по самые уши...

Эданна осознала и успокоилась:

– Ладно. Сто монет, но сразу же.

Дан Рокко качнул головой:

– Сейчас – двадцать. Остальное после визита.

– Визита? Как хоть зовут этого гостя?

– Бартоломео Леони.

Эданна Сусанна прищурилась. И дан Рокко догадался:

– Эданна, вы... и он...

– Не ваше дело! – рявкнула эданна, начиная нервничать. Ну, было! Чего не сделаешь ради денег? Но и было-то всего раза два или три, ну, четыре... может быть! Но Бартоломео ничего скрывать не будет. Он дан только по рождению, а так – быдло и скотина. В постели, кстати, тоже.

– Эданна, а я вашему мужу подтверждаю, что у Бартоломео и раньше такое бывало... не заговаривается, так еще чего, – ласковым тоном сообщил дан Рокко.

Это окончательно решило дело.

– Договорились, – кивнула эданна, получила на руки свои двадцать монет и отправилась уговаривать мужа. Надо, надо пожалеть бедную девочку! И ее сына тоже пожалеть надо...

Добрые дела вообще полезны! А если за них еще и платят...

Дан Рокко проводил стерву насмешливым взглядом. Ага, прониклась...

Где же дана Адриенна?

Мия

– Танцуй, детка! Танцуй!

Мия легко, словно в танце, уклонилась от удара. Движение было легким, летящим, почти неощутимым, так пушинка танцует с ветром. Но – ветер не так привередлив.

Старик качнул головой и снова ткнул копьём. На этот раз попал.

– Ой!

– Давай уворачивайся! Ты легкая, ты ловкая, ты должна мои движения заранее угадывать, ты должна изворачиваться, как вода!

Мия засопела.

Да, вот и такое получается.

Дана не обязана? Не подобает? Не положено?

А копьём поперек попы – положено? Знаете, как больно!

Увы, Джакомо был неумолим.

Отмычки? Прелестно, просто прелестно. И отмычки, и замки, и ловкие пальчики, как у карманницы, это все Мия освоила. Но этого мало! Этого все равно мало! А потому Мия еще и тренировалась с неким Бухалом раз в два дня. Худой и жилистый старик, непонятно, за что получивший такое прозвище, попросту ставил девчонку напротив себя, брал копьё, или хлыст, или кнут – и уворачивайся.

Не покалечит, если что.

Но больно же!

– Не хочу я вот этим... заниматься! Это для Энцо, – ныла Мия.

Джакомо только головой покачал:

– Мия, тебе ведь уже приходилось убивать.

– Ну... да.

– Пойми правильно, не всегда тебя спасет перемена лица, не всегда ты сможешь убежать, не поможет хитрость...

– А вдруг?

Мия понимала, что дядя прав, но...

Ей это все равно не нравилось. Не нравились кожаные штаны и полотняная рубаха, не нравился бег по грязным улицам, где упасть или подвернуть ногу было легче, чем вдохнуть и выдохнуть. Не нравились собственно тренировки.

Она понимала, что становится более гибкой, ловкой, легкой, что это полезно и нужно, но...

Копьём по ребрам – больно!

На диване с вышиванием – приятнее.

А иголкой тоже можно убить человека. Надо только знать, куда ее воткнуть. И об этом Мие тоже рассказывали.

Ее оружие – не клинок. Даже не кинжал – стилет. В крайнем случае, легкая рапира. Но лучше – стилет, спица, иголка, метательные ножи...

Вот и после скачков в круге она стояла и метала ножи в цель. Кстати, это ей нравилось намного больше, чем скакать бешеной обезьяной.

Несбалансированные. Кое-как заточенные. Откровенно дрянные.

Объяснили это просто. А что – у тебя всегда будет идеальное оружие? И самые чудесные условия? Ах нет? Тогда учись на том, что есть, потом будешь работать с тем, что подвернется.

Стойка?

Может, тебе еще и рыцарский турнир устроить? Это для благородных, а твое дело – уку-сись и уползти. И подальше, и побыстрее, и целой.

Так что... тренируйся и учи уязвимые точки человеческого тела.

Голова – глаза, переносица, виски... еще можно ударить в нос, снизу вверх.

Уши...

Ударишь стилетом в ухо – убьешь. Только угол надо правильный выдержать. А еще можно человека хлопнуть ладонями по ушам, только правильно сложить руки. Тогда только оглушишь...

Шея... сонная артерия, подключичная артерия, ямочка на горле...

Мию учили не просто защищаться. Мию учили убивать. Жестоко и решительно, быстро и качественно. Она пока этого не понимала, но из нее уверенно лепили смертоносное оружие. Тот же стилет, только в человеческом обличье.

А что касается разума...

О, с этим и так не было проблем. Мия не знала, что такое сомнения, не терзалась какой-то непонятной совестью, не думала о моральной стороне вопроса. Она просто делала свое дело и радовалась этому. Заодно и немного денег зарабатывала. Себе, дяде, Комару... довольны были все, кроме ее жертв, но тех никто не спрашивал.

Бросок!

И еще бросок!

Потом она выдернет из мишени все ножи и начнет заново. Рука должна приспособиться, она мгновенно должна определять идеальную траекторию для любого оружия. Мало ли что попадет в руки? Да хоть бы и ложка заточенная... да, и такое тоже бросать доводи-лось.

Надо работать...

Мия понимала, что несколько раз ее спасло только чудо. Тогда, с бандитом, в паланкине... действительно чудо. Еще бы немного, и... и все. Неизвестно, что бы с ней сделали, но мучилась бы она перед смертью долго, это уж факт. Ей больше не хотелось быть беспомощной.

И если выбирать между своей жизнью и чьей-то еще... никто кроме нее не позаботится о маленьких Феретти. Так что...

Куда там надо попасть?

Очередной клинок воткнулся в глаз нарисованной фигуре.

Следующий отлетел, звякнул по полу.

Мия поморщилась.

Ничего. Она научится. Она еще всему научится.

Адриенна

Долго ждать визита дана Леони не пришлось.

Адриенна как раз находилась внизу, в зале, когда прибежал привратник и доложил, что у ворот стоит небольшой отряд, так, человек десять. А с ними некто дан Леони. И он требует к себе дана Вентурини.

Адриенна поглядела на дана Рокко:

– Дан?

– Одну минуту, милая дана, – тут же согласился старый интриган. И отправился на кухню приводить себя в должный вид. Для умирающего он выглядел подозрительно бодро и живо.

Нельзя же так! И подозрений вызывать тоже нельзя.

Джачинта побелела как мел. Адриенна мимоходом тряхнула ее:

– К себе! И сына успокой!

Анжело тоже выглядел, словно привидение увидел. Мальчишку от одного дядино имени – и то трясло. А уж чтобы с ним лицом к лицу встретиться...

Не-не-не, такого нам не надо.

– Я долго ждать буду?!

Джачинта подхватила сына и бегом бросилась из зала. Адриенна вздохнула.

Раньше к воротам вышел бы ее отец. Но сейчас дан Марк поглядывал на нее даже со злорадством. Решила, что умная? Что сама справишься? Вот и наслаждайся, мешать не стану!

Адриенна и не спорила. Провела ладонями по платью, разгладила благородный черный бархат. У себя дома она то платье носила очень часто. А уж сегодня, когда ожидаются «гости», сам Бог его надеть велел. Платье подчеркивало синеву глаз, черноту волос, белизну кожи, делало Адриенну старше и благороднее. Жаль, прямо в нем сейчас не выйдешь – холодно. Поэтому Адриенна накинула сверху тяжелый плащ, подбитый волчьим мехом, и вышла из замка.

Верный Марко встал за ее спиной.

Холод ударил в лицо, остудил горящие щеки. Адриенна легко взбежала на приступочку над воротами:

– Кто вы такие?!

Уж кого бы не ожидал увидеть дан Бартоломео, так это симпатичную и совсем юную девушку. Тем более такую красивую. И как тут не приосаниться?

Как тут не выпатить мощную грудь, показывая, что он – о-го-го? Мужчина, защитник и вообще – герой!

– Дана СибЛевран?

– Да. А вы кто?

– Дан Бартоломео Леони, к вашим услугам, дана.

Адриенна и глазом не моргнула, словно имени его никогда не слышала.

– Рада видеть благородного дана в наших краях. Но что привело вас под стены моего дома с отрядом вооруженных людей?

Бартоломео даже кхекнул от неожиданности. Вот теперь его погоня выглядела как вооруженный налет. А король такого точно не одобряет.

– Дана, уверяю вас, я прибыл с миром!

Еще бы не с миром!

Десяти человек однозначно не хватит, чтобы вырезать весь замок. А когда это дойдет до его величества...

Лучше самому повеситься. Быстрее и безболезненнее будет. Вот недаром Филиппо Третий носил народное прозвище Змеинный Глаз.

Адриенна очаровательно улыбнулась. Выглядела она в этот момент как сказочная принцесса. Черные волосы, синие глаза, белые зубки... ах да! Самое лучшее в женщине – глупость!

– Дан, тогда я прошу вас о милости. Вы же не будете против, если мы предоставим кров, скажем, вам и еще троим вашим людям? А остальные отправятся в деревню? Просто... мы не рассчитывали на такое количество гостей.

– Что вы! – расплылся в улыбке Бартоломео. – Я буду вам очень признателен!

Он и трое людей! Нормально! Для охраны хватит, а договариваться все равно придется по-хорошему. Но в своей-то привлекательности Бартоломео был полностью уверен. А что?

Шикарный же мужчина!

Правда, сорока лет от роду, но зато осанистый, представительный... пусть лицо побито оспой, зато борода шикарная! А лысина... сейчас модно, чтобы высокий лоб! С залысинами! И глаза у него красивые. Глубоко посаженные, но взгляд пронзительный, острый... дамы ценят! И даны, и эданны, а о простушках и говорить не приходится.

Конечно, и девчонка ему сопротивляться не сможет.

Бартоломео быстро выбрал троих человек и честь по чести заехал в ворота, которые открыл Марко. Спешился, бросил мальчишке поводья, подошел к Адриенне, поклонился и поцеловал ей руку:

– Дана. Мое почтение!

Адриенна чуть поклонилась в ответ:

– Дан, я рада вас видеть. Скажите, пожалуйста, эданна Леони ведь ваша родственница?

Бартоломео разулыбался так, что борода на сторону поехала.

– О да! Моя невестка!

– Она сейчас у нас в гостях. – Адриенна чуточку понизила голос, потому что они приближались к замку. – С сыном.

– Да?

– Дан, вы же понимаете, здесь ее отец! – Адриенна помнила слова знахарки. Врать напрямую нельзя? Вот и не будем. Конечно, может, это и суеверия. А вдруг – нет? Вот Моргана же есть? А кому расскажи? Еще и не поверят! – И дан Рокко себя ужасно чувствовал, уезжая из столицы... сейчас ему, конечно, чуточку полегче, но он вчера только встал после болезни... вы же дадите дочери и отцу попрощаться?

Бартоломео довольно кивнул.

Ему все было ясно. Дан Вентурини при смерти, после чего Джачинта останется вообще без защиты. И ее щенки тоже. И поедут с ним домой как миленькие! А по дороге... мало ли что может случиться по дороге? Да что угодно! А сам Бартоломео может и вернуться... симпатичная же девушка. И, похоже, он ей очень нравится. Вон как глазками стреляет... Опасность?

Какие тут могут быть опасности?

Бартоломео последовал за Адриенной в замок...

* * *

Анжело оставался наверху, с матерью. А дан Рокко лично встретил гостя. Выглядел он... о, это волшебное воздействие мела, сажи и свеклы! Примененные в правильных дозировках, они из кого угодно умирающего сделают. А если еще натереть глаза луковицей, такая убедительная картина получится...

Дан Рокко еще и кашлял так, что Бартоломео аж отшатнулся. А вдруг чахотка?

Страшно же, даны!

– Дан Леони. – Дан Рокко использовал большую тряпку вместо платка. На тряпке кое-где были видны кровавые пятна, и Адриенна даже головой покачала. И где только взял? Не переиграть бы. – Рад видеть вас. Может, вы объясните мне, что за бред несет моя дочь? Ей что – молоко в голову ударило? Так вроде бы не беременная?

Бартоломео был готов.

Он расплылся в улыбке и собрался все описать, как Адриенна замахала руками:

– Дан Рокко, умоляю вас! Давайте сначала представим дана Леони, у нас так редко бывают гости... а еще... дан, наверное, вам хочется согреться? Я прикажу приготовить горячего вина с пряностями.

– Благодарю вас, дана. – Бартоломео окончательно расслабился. Все было хорошо и правильно, наследство брата от него никуда не уплывет, а сейчас можно и получить удовольствие.

Дана Адриенна ушла распоряжаться, а Бартоломео быстро познакомился с даном Марком, отцом милой даны. Потом с даном Леонардо, ее же сводным братом... Сусанна предусмотрительно не показывалась.

Она мужа уже уговорила, а пока лучше посидеть у себя.

Леонардо?

А Бартоломео его, собственно, и не видел. И видел бы – мог не узнать. Ребенок, подросток и юноша, считай, три разных человека. Фамилию свою Леонардо не произносил, а Бартоломео и не спросил. И так же ясно – разве не Сиблевран?

Так что общение мигом наладилось.

Дан Рокко ворчал, что дочь совсем с ума сошла, ребенка в зиму тащить... что уж ей там показалось?

Дан Марк поддакивал, что дочь так тяжело воспитать...

Леонардо расспрашивал о последних столичных новостях и каких-то знакомых. Бартоломео отвечал.

Потом Адриенна принесла кубки и очаровательно улыбнулась дану:

– Как и положено, хозяйка сама подает на стол. И, по обязанности, кубок для гостя...

Адриенна подняла тяжелый кубок на уровень глаз и демонстративно отпила из него. Трое людей Бартоломео его не оставляли, но им вино уже тоже поднесли. Служанка, конечно. Не дане же стараться для простонародья?

Но тем не менее поднесла и демонстративно отпила по глоточку из каждой кружки... раз уж обычай. Охрана его бы и не соблюдала, но – почему нет? Если так спокойнее?

Бартоломео улыбнулся дане:

– Никогда бы не подумал, что столь юная дана так хорошо знает старинные обычаи.

– Я сам ее учил, – погордился дан Марк.

А что? За пятьдесят-то монет золотом? И жена довольна по уши, а когда жена довольна, она в постели такая... ух!

Дан Рокко раскашлялся.

Всего пара секунд. Пара несчастных секунд. Но их хватило с лихвой. И в кубке Бартоломео оказалась щепотка снадобья. Чего уж там?

Щепотку можно и между пальцами зажать, и растворится она быстро. Считай, мгновенно.

Полчаса?

Время пошло!

На этот раз к беседе присоединилась Адриенна. И вела ее честь по чести, уступая первое слово дану Бартоломео, а сама поддакивая в нужных местах.

Слово за слово, и вот уже десять минут, двадцать...

Видимо, или дан оказался покрепче, или вино послабее, или щепотка маловата, но накрыло его только через сорок минут. Когда дан Марк уже предложил дану Бартоломео сегодня устроиться в спальне на отдых, а завтра уж ему и невестку предоставят... или хотите сегодня?

Так давайте мы ее навестим вместе...

Еще бы Бартоломео не согласился.

По лестнице он еще поднялся.

И в комнаты дана Рокко вошел, и даже Джачинту увидел. А потом...

Уж кто его знает, что привиделось воспаленному разуму под влиянием трав? Но благородный дан внезапно приставил к голове пальцы на манер рогов, издал громкое мычание и ринулся вперед.

Джачинта с визгом отскочила подальше. Анжело она тащила за собой, но мальчик оказался и так не дураком – и тут же юркнул под кровать. А Джачинта, следуя материнскому инстинкту и уводя опасность от ребенка, как птица от гнезда, ринулась из дверей.

Так они по залу и проскакали мимо сопровождающих дана Бартоломео. Аж два круга.

Потом охрана опомнилась, скрутила несчастного, не давая причинить вред ни себе, ни окружающим, но мычать он продолжал.

– Дан?!

Адриенна виртуозно изображала ужас и удивление.

– Давно это с ним? – поинтересовался Леонардо.

– Все нормально было, пока ехали, – сообщил один из наемников.

– А как увидел невестку... может, это у него на Джачинту? – задумался дан Марк.

– М-м-у-у-у-у-у-у! – подтвердил дан Бартоломео.

– В таком состоянии мы его никуда не отпустим, – приняла решение Адриенна. – Давайте я вам выделю комнату, может, он поспит? А завтра или все нормально будет, и мы расспросим дана или пригласим лекаря.

С этим согласны были все.

* * *

Поздно вечером Адриенна постучала в дверь дана Рокко:

– Все в порядке?

Дан Рокко впустил ее. Запер дверь. А потом поклонился и поцеловал Адриенне обе руки.

– Дана, вы чудо.

Адриенна даже чуточку смутилась.

– Спасибо, дан Рокко. Как Джас? Анжело?

– Все хорошо, дана. Они уже спят. Снадобье при вас?

– Вот, дан Рокко.

Маленький бумажный пакетик, в который Адриенна отсыпала полезную смесь, перекопал из рук в руки. Завтра снадобье будет подмешивать не Адриенна. У наемников не должно возникнуть подозрений.

* * *

На следующее утро дан Рокко остановил служанку с завтраком, который та несла для наемников и для дана. Для дана, понятно, отдельно.

Заговорил... ну и – ловкость рук!

На этот раз щепотка трав высыпалась в яйца, варенные в вине. Тоже ничего и не заметно, а наемникам такое точно есть не по рылу.

Дан, который уже начал приходить в себя, с аппетитом позавтракал, а через полчаса и дан Рокко зашел. С Джачинтой.

На этот раз, видимо, для разнообразия, Бартоломео не мычал. Он кукарекал. Так что...

Наемники и не особенно ломались.

Но...

Дан Рокко долго извинялся перед Адриенной, но выбора-то не было. Они и так это знали.

Больше в столицу послать было некого. Леонардо? А кто он такой, чтобы его вообще король принимал? Да и доверять ему...

Может, он и сделает все как надо. А вдруг – нет? Дан Рокко сомневался, Адриенна не спорила.

Дан Марк никуда не поедет и не собирается.

Остается только сам дан Рокко. И отвезет дана Бартоломео, и к королю легко попадет, и представит ситуацию нужным образом.

Только вот это означает, что Адриенна остается, считай, без защиты. Конечно, он придет. И наведет порядок. Но это минимум – минимум! – два месяца. Пока туда, пока там, пока обратно...

И если еще успеет до весенней распутицы. А если нет, то все четыре месяца.

Адриенна это понимала. Но не бросать же Джачинту одну? И дана Бартоломео тоже... нельзя оставлять без заботы! Говорите, регулярный прием в течение месяца?

Вот и надо.

Дело очень полезное и богоугодное. Чтобы уж точно никто не вылечил.

Ровно через три дня дан Рокко, Джачинта, Анжело, дан Бартоломео, который никак не мог определиться, мычит он, мяукает или кукарекает, а также десять наемников и пятеро гвардейцев отправились в столицу.

Дан Рокко не хотел забирать гвардейцев, но тут уж его убедила Адриенна. Повлиять они не смогут ни на что, а вот в случае с наемниками послужат какой-никакой, но страховкой. Прирезать старика, женщину и ребенка всяко проще, чем тех же старика, женщину и ребенка, но еще вдобавок к ним пять человек, знающих, с какой стороны за меч браться.

Да и гвардейцы...

Филиппо Третий очень ревниво относился к своим гвардейцам. Тщательный отбор, высокие требования... и обязательная месть за каждого убитого. Так что выбора ни у кого не было.

Адриенна, правда, оставалась без защиты. Но здесь и сейчас это было наименьшим злом. Не в лесу ведь на кочке, а в своем замке, в своем доме, в котором уже столько лет без всяких гвардейцев прожила. Ну, будет осторожнее, и хватит того. Дан Рокко рано или поздно вернется, но для этого ему надо доехать до столицы.

С Богом!

Мия

– Убить?

– Что в этом такого страшного, Миечка?

Голос дана Джакомо был ласковым и сладким, хоть ты на хлеб вместо меда намажь.

– Я не убивала раньше.

– Неужели? А как же та кухарка? Тот разбойник?

Мия пожала плечами:

– Там я была в безвыходной ситуации. А здесь и сейчас – могу отказаться.

– А за тысячу лоринов?

– Каждому?

– Мия, побойся Бога!

– Дядя, вы меня как раз на смертный грех и уговариваете. Кому тут еще бояться надо?

Джакомо поджал губы.

Ну, так-то поглядеть – да. В Библии сказано однозначно: грешен и тот, кто убивает, и тот, кто соблазняет малых сих...¹

В законах проще.

Отвечать будет именно что заказчик. Убийцу можно уничтожить, только поймав на месте преступления, но потом – уже другой с него спрос. Он виноват, это есть. Но его соблазнили, а обстоятельства бывают разные.

¹ Евангелие от Матфея, 18, стих 6. Относится не только к сексу, но и к противоправным действиям. (Прим. авт.)

К примеру, ради ребенка или близкого человека можно украсть, убить... много чего можно. Мия как раз подходит под эту категорию, так что взывать к Богу и совести бесполезно.

– Мия, это дорого!

Мия захлопала ресницами. По комнате аж ветер прошел, и дан Джакомо лишний раз подумал, что племянница растет удивительно красивой.

– Не знаю, не знаю... я правильно полагаю, что там все не так просто?

Дан Джакомо только вздохнул:

– Не так просто? Дико сложно...

Заказ был на дана.

Дан Берто Риккарди отличался хорошим состоянием, завидным здоровьем и любовью к уединению.

А вот его наследник – ну вовсе даже наоборот. Состояния у него не было, здоровье было слегка потрепано любовью к горячительным напиткам и гулянкам, а уединение...

Уединение наследничек признавал только в отхожем месте. И то не обязательно.

Конечно, денег у наследника при таком раскладе не было, были долги. И непутевый племянничек пообещал Комару примерно половину состояния дядюшки. Ему тоже оставалось примерно на три жизни вперед, но и Комар облизнулся.

А кто у нас тут самый-самый по убийствам?

Удав...

Подумал Джакомо да и принял заказ на дана Риккарди. Но ведь взять заказ – это даже не половина дела, это скорее объявление о намерениях. А как его убить?

Прислуга вся проверенная, охрана надежная, подобраться нет никакой возможности.

У Джакомо.

Посторонние в дом дана Риккарди не допускаются.

А вот Мия...

– И за такое жалкую тысячу лоринов? Дядя, вы – жмот! Мне надо по две тысячи на человека требовать!

Дядя поморщился, но понял, что Мия не уступит... сильно, и принялся торговаться. Сошлись на четырех тысячах лоринов, за которые от Мии требовалось выполнить достаточно сложную вещь.

У дана Риккарди есть в доме только одна женщина.

Кухарка.

Убирают мужчины, во дворе тоже мужчины... Но готовить так, как привык дан Риккарди, может только эта нюра. Потому ее и держат.

Закупками тоже она занимается.

Вот на рынке ее и можно подменить на Мию.

Но...

Да, вот эти вечные проблемы.

Ну не умела Мия готовить!

Не умела!!!

Так, в рамках общепринятого. Могла сделать омлет, сварить кашу, поджарить мясо... а вот чтобы угодить взыскательному вкусу престарелого дана?

Нереально.

– Да, Миечка, я найму учителя... конечно, полностью ты изысканную кухню не освоишь, но несколько блюд приготовить сможешь.

– Откуда я знаю, что готовят для дана Риккарди?

– Племянник у него бывал, поделился.

Мия только за голову схватилась.

Понятно, кухарке проще всего и вернуться в дом, и приготовить, и яд подсыпать. Но простите, это ведь все на ее плечи ляжет?

И за какую-то жалкую тысячу лоринов такой риск? Дядя, может быть, полторы? На каждого из детей, понятно...

Джакомо взвыл, и торг начался заново.

Сошлись они на тысяче двухстах лоринов на каждого из Феретти. И Мия, скрипя зубами, поплелась на кухню. В том-то и дело...

Ладно еще помыть-почистить, но приготовить самостоятельно дичь? Соус аргесто? Сорбет? Петуха в медовом соусе? Ассорти из каплуна, откормленных кур, голубей, говяжьего языка и ветчины? Жареного павлина в соусе с фисташками?

Мия заскрипела зубами и отправилась учиться. А куда деваться?

Тысяча двести лоринов на каждого на дороге не валяются.

Так, на кухне, в чаду и жару, и застал ее Энцо.

* * *

– Сестренка!

– Энцо!!!

Мия плюнула (в переносном смысле) на сорбет и повисла на шее у брата.

– Как ты? Как поездка?

– Великолепно!

– Расскажешь?

В распутицу Паскуале и Энцо все же попали, хотя и самым краем. Пришлось поневоле задержаться. Но хороший купец всегда найдет чем поторговать.

Впрочем, о торговле Энцо рассказывать было не так интересно.

А вот про арайцев...

Про Адриенну СибЛевран...

Про...

Да в основном-то именно про них. Мия слушала и улыбалась. Кажется, ее брат в первый раз влюбился?

– А вы поедете туда на следующий год?

– Да, опять на предзимнюю ярмарку. Дядя обещал.

– И ты поедешь?

– Сначала, конечно, на Девальс. А уж потом... туда! В СибЛевран!

– Купи дане Адриенне подарок, – поддразнила брата Мия.

– И куплю. Спрошу у Паскуале, что именно приличествует, и куплю! – фыркнул Энцо.

И тут же посерьезнел: – Мия, нам надо с тобой поговорить.

– А мы что делаем?

– Ты не поняла. Я проверил свой счет в банке.

Мия скрипнула зубами. Не учла, да... Но кто бы мог учесть?

– Откуда деньги? – прямо спросил Энцо.

И что тут было отвечать? Мия выбрала полуправду:

– Дядя мне платит.

– Такие деньги?! За что?!

– Надеюсь, ты не разболтал это Паскуале? Или Фредо? – встревожилась Мия.

– Нет. Но я хочу знать, – сдвинул брови Энцо. – Я твой брат. Я сейчас старший в роду.

Я поговорю с Джакомо, если это что-то... неподобающее...

Мия вздохнула.

Сложный вопрос. Подобают ли благородной дане кражи и убийства? Вроде как нет, но если присмотреться к королевскому двору повнимательнее?

Мия считала, что она в сравнении с придворными вообще невинный ангелочек.

Только вот как признаешься в этом Энцо?

И тут ее осенило. Врать? Ну, так и врать!

– Пойдем, Энцо, я тебе покажу, что именно я делаю. Только, пожалуйста, никому не рассказывай, я понимаю, что это не подобает благородной дане. Я буквально позавчера их закончила!

Она же взяла два молитвенника? Для девочек?

И пока еще их не подарила. Отлично, вот сейчас и...

* * *

Рукописные молитвенники Энцо понравились. Но...

– Мия, ты сама их сделала?

– Я переписывала и рисовала, – созналась Мия. – Переплетала, конечно, не я. Но труд здесь и мой... для этого много знаний не надо.

Ладно. Если быть честной, рисовала Мия не особенно хорошо, но Фьора их всех учила в свое время. Человека, корову, дом Мия нарисовать могла. И при этом ее рисунки никто не перепутал бы. История с «Королевской милостью» уж точно не повторилась бы. Мия точно знала, сколько ног, рук и глаз у ее творений.

Писала она тоже хорошо, красиво и разборчиво. Так что...

Могла?

Могла! И делала! И докажете обратное!

Энцо только головой покачал:

– Даже не представляю, сколько такое стоит...

– Вот и стоит, – огрызнулась Мия. – Я понимаю, что это не вполне подобает благородной дане, но я переписываю, дядя пристраивает эти молитвенники...

– Мия?

– Ну... ладно. Я знаю, у дяди есть кто-то, кто может чуточку состарить эти книжки. И они становятся дороже, – «выдала» страшный секрет Мия.

Энцо выдохнул.

А, ну если так... Это не приветствуется, но и не тот кошмар, который он себе надумал. И все же...

– Пусть эти деньги будут твоим приданым!

Мия зажала брату рот рукой:

– Цыц! Молчи и слушай! Ты пока столько не зарабатываешь! Когда еще будешь – неизвестно, а в Феретти деньги надо вкладывать уже сейчас, ты с дядей Фредо поговори, он подскажет, как и куда. И сестренкам приданое тоже нужно, не меньше, чем мне. Если хочешь – ты мне потом верни, как на ноги крепко встанешь. Считай займом!

– Мия, я мужчина! Я не могу брать у тебя деньги!

Тренировки пошли Энцо на пользу. Сумел и вывернуться, и сестре больно не сделать. Мия досадливо сморщилась:

– Энцо, милый, ну как мне тебя убедить? Ты пойми, семья – это связка! И тянуть мы должны все, разве нет? У дяди Фредо так, у дяди Паскуале, у дяди Джакомо...

– У родителей так не было...

Мия развела руками. Энцо насупился. Все возражения он отлично произнес бы и сам.

Но и Мия сдаваться не собиралась. А потому...

– Хорошо. Я попрошу дядю Джакомо составить счет. Кто, сколько, за что... и потом верну тебе эти деньги.

Мия выдохнула:

– Договорились, братик! Хоть сегодня!

– Хорошо. А на кухне ты что делала?

– Сорбет!!! ОЙ!!!!

Мия с визгом помчалась по коридору. Несчастную закуску следовало срочно спасать².

Последнее время Мия открыла у себя новые способности.

Она стала не просто острее чувствовать запахи, она начала определять, свежий или несвежий продукт, недоили переваренный, вкусно или нет...

Это умеют многие?

Наверное. Но Мия раньше за собой таких талантов не замечала. А сейчас она издалека чувствовала запах сорбета и понимала, что если его не снять с огня в ближайшую пару минут... нет, не пригорит. Но будет невкусно.

В кулинарии упущенный момент – это испорченное блюдо, увы.

Энцо последовал за ней не сразу.

Полюбовался на молитвенники, провел пальцем по миниатюре... да, это громадный труд! Мия должна была уйму времени просидеть с этим шедевром.

Но что еще делать юной дане, которая постоянно сидит дома? Какая же у него замечательная сестренка! Даже тут нашла, как помочь семье... Счастлив тот, у кого такая родня! Ему очень повезло с Мией.

Но с дядей он поговорит. Мало ли что...

* * *

Появившийся вечером Джакомо был срочно отловлен Мией. И уже на следующий день в доме появилась художественная мастерская (так-то повезло, Энцо не спросил, где работает сестра), куча красок, доски, кисти...

Мия принялась изредка заходить туда и даже пачкала пальцы для пушнего правдоподобия.

Впрочем, даром все это не простаивало.

Молитвенники были с пафосом подарены Серене и Джулии и сподвигли малышню тоже поучиться рисовать. Красиво же!

А Мия готовилась к акции.

Училась готовить.

Ходила на рынок, регулярно сталкиваясь с кухаркой дана Риккарди. И наблюдала.

Как та двигается, как говорит... м-да, с этой будет сложно. И телосложение отличается сильно, придется под платье толщинки прокладывать, хорошо еще, хоть рост схож.

И лицо, и волосы...

Но ради таких денег?

Кто такой этот дан Риккарди? Для Мии – никто. Просто имя и фамилия. А вот Энцо, девочки, поместье Феретти...

Мия для себя выбрала. А Бог... Встретимся – разберемся!

² Не путать сорбет и шербет. Сорбет того времени напоминал бланманже и готовился из куриной грудки, риса, миндального молока, сахара и специй. Подавался между жареными и вареными блюдами, чтобы не смешивать вкус. Не десерт! (Прим. авт.)

Адриенна

– Теперь ты не такая храбрая? Когда защищать тебя некому?!

Была бы эданна Сусанна поумнее... но ей так хотелось поточить зубки на Адриенне!

Вот просто до слез хотелось, до зубовного скрежета. Вчера она в очередной раз узнала, что не беременна, а в такие дни у женщин дико портится характер.

Адриенна просто попалась ей под руку. Но... почему бы и нет?

Дана СибЛевран смерила насмешливым взглядом эданну СибЛевран.

– Я не беззащитна. И достаточно скоро вернется дан Вентурини. Возможно даже, что с письмом от его величества. Интересно, что он напишет?

– Если вообще сочтет нужным тебе писать!

Адриенна улыбнулась еще ядовитее:

– Рискнете проверить, эданна? Меня, конечно, можно одолеть силой, отравить, убить... можно. А вот как вы его величеству за это отчитаетесь? Хм-м?

– Стерва!

– Мама, опять вы, как две кошки, шипите друг на друга?

Леонардо оказался как нельзя более кстати. Подошел, улыбнулся, развел злых дам по обе стороны от себя. Адриенна поблагодарила его взглядом. Сейчас ей не хотелось скандалить.

Не объяснять же сисястой дуре, что она волнуется за дана Вентурини. За Джачинту! Даже за малыша Анжело!

Хорошо-хорошо, она за них не отвечает, но все равно волнуется!

Она знает, что все люди взрослые... Анжело не в счет, но мать за него кого угодно загрызет!

Она знает, что гвардейцы...

Она знает, что до столицы дорога прямая...

И что?!

Вот кому и когда это мешало волноваться за своих?! Адриенна не осознавала этого четко, но... обратная сторона дара, знаете ли!

Она – сила, плодородие и счастье земли? Но ведь и земля тоже должна действовать в ответ!

Она отвечает за своих людей, и с этим ничего не поделаешь. Дан Рокко и его дочь, внук... они попросили защиты и помощи Адриенны. И не напрямую, но косвенным образом, Адриенна приняла их под свою защиту. Не вассальная клятва, для той много чего нужно. Но...

Кое-что достаточно близкое.

Все за одного, но один для всех. Как-то так...

В обычные дни Адриенна с удовольствием поругалась бы с эданной Сусанной. Но сейчас...

Пока дан Рокко доедет до столицы, пока выпустит голубя, пока тот долетит...

– Дана!!! – Марко, который, видя настроение Адриенны, по три раза на день проверял голубятню, орал, словно потерпевший. Адриенна бросила Лоренцо и кинулась к молочному брату.

– Марко?!

– Прилетел голубь!!! ВОТ!!!

В руки Адриенне легла тоненькая трубочка. И девушка тут же развернула ее. Почерк дана Рокко она узнала бы и из сотни других.

«Добрались. Аудиенция назначена. Все хорошо».

Больше дан Рокко ничего не написал, но Адриенне и этого хватило, чтобы в танце закружиться по галерее.

На всякий случай они с даном Рокко обговорили условные знаки.

Добрались – без происшествий. Если бы что-то пошло не так – написал бы «доехали».

Насчет аудиенции – это лично его инициатива.

Все хорошо – тоже знак. Что все действительно хорошо. Если бы дана Рокко заставили написать это письмо, было бы «все замечательно» или «все в порядке»...

Но – все хорошо!

Адриенна счастливо рассмеялась, раскинув руки.

– Дана, прошу вас!

Леонардо оказался весьма кстати. Подхватил, провел в танце... Адриенна сияла от радости. А танцевать дан Манчини умел, после придворной-то жизни.

Все хорошо!

Однозначно, это повод для танца!

Все! Хорошо!!!

* * *

Голубь летит достаточно быстро, но реактивного двигателя у него нет. Поэтому примерно в это же время дан Рокко кланялся его величеству:

– Мой господин и повелитель...

Филиппо отмел все заверения небрежным взмахом руки:

– Что случилось, дан Вентурини? Почему вы так срочно запросили моей аудиенции?

Дан Рокко понурился:

– Ваше величество, умоляю вас о прощении. Припадаю к вашим стопам...

– Дан Вентурини.

Славословия Филиппо уважал. Но нельзя ли сейчас покороче?

– С даной СибЛевран все прекрасно. Ваше величество отдаю должное вашему уму и прозорливости. Уже сейчас это чудесная девушка, а какой она будет женщиной... она невероятна! Умна, воспитана, мила, хозяйственна... ее нельзя описать иначе, разве что превосходными словами. Бриллиант без единого изъяна.

Филиппо кивнул. Лесть ему нравилась. Выбора-то все равно не было, но приятно же, когда в твоей короне сияет алмаз, а не кусок булыжника. А еще приятно, когда отдают должное твоей прозорливости.

– Но все же? Дан Рокко?

– Ваше величество, вот отчеты СибЛеврана за прошедшее время, вот мои комментарии. И умоляю вас о милости. Я прибыл и по личному делу в том числе.

– Личному?

– Ваше величество, после эпидемии оспы мой зять умер. Дан Анжело Леони.

– Допустим...

– Его младший брат, дан Бартоломео Леони, является опекуном вдовы и племянника. Но после той же оспы он не может выполнять свои обязанности, потому как повредился в уме.

– М-му-у-у-у-у!!! – донеслось из приемной.

Его величество поднял брови:

– Это еще что такое?

– Ваше величество, это... собственно, дан Леони.

Филиппо Третий так изумился, что даже соизволил выйти и лично обозреть дана Бартоломео, который сегодня воображал себя быком.

Забодать короля ему, конечно, не дали гвардейцы. Но помычал мужчина вдоволь. Постаралась тетушка Ата на совесть. В смесь пошли и конопля, и акация, и могильник, и гамамелис, и грибочки сушеные... да что там! Для хорошего человека дана даже опиума не пожалела!

Хоть и было его там чуть, но много ли надо?

Результат получился такой замечательный, что его величество только головой покачал:

– М-да... бедная ваша дочь, дан Вентурини.

– Когда все это началось, приступами, она в ужасе бежала ко мне, в СибЛевран. Дан Бартоломео бросился за ней, но... спасибо дане СибЛевран, мы смогли оказать ему хоть какую-то помощь.

Взгляд короля был еще недоверчивым, но свидетельство наемников развеяло последние сомнения. Дан Рокко специально распорядился привести их...

Начистоту говоря, наемники сначала тоже сомневались. Но первый-то раз дана точно не травили! Адриенна сама, при всех, отпила из кубка.

И кормили его тем же, чем и всех данов. Подсыпать там что-то было невозможно, наемники не то чтобы следили, но прикидывали. Хотя под конец дан Рокко стесняться перестал. Главное, хоть на пару минут остаться наедине с даном. А там...

Привычка есть у каждого, кто хоть раз давал лекарство заболевшей собаке. Нос зажать, лекарство всыпать в рот, челюстью подвигать. Тем более что везли дана Бартоломео связанным, чтобы никому вреда не причинил.

Жестоко?

Положим, сорокалетний мужик себя защитить мог, чего не скажешь о пятилетнем ребенке. А что не защитил... и кто ему враг?

Его величество только рукой махнул:

– Обезглавить.

Дан Рокко спорить не стал. Зачем? Понятно же, содержание безумца дома – нереально. Слуги о нем, что ли, заботиться будут? Да удерут они! А перед тем еще и раскрадут что можно и нельзя! На улицу его выкинуть? Та же смерть, только медленная.

Где-то в лечебнице содержать? А в чем разница?

Кто не бывал в таких заведениях, лучше и не заходить. Хоть кошмары не замучают.

Кровати, к которым привязывают несчастных, деревянные, с дырками, не стирать же за ними белье? Соломенные тюфяки, насекомые, скудная пища, ледяные обливания, студенты-медики... ей-ей, дана Бартоломео стоило бы добить просто из жалости.

Его величество так и поступил. А дан Рокко за внука и похлеще бы устроил, так что ни вины, ни сострадания он в себе не чувствовал.

– Дан Рокко, тогда вашей дочери нужен опекун. Вы им быть не можете, вы живете сейчас в СибЛевране... или?..

– Ваше величество, умоляю! Дана Адриенна написала вам письмо, она не возражает против присутствия Джачинты в своем доме. А там и вдовий срок закончится, дочь замуж выйдет... и ею уже будет муж заниматься. На коленях прошу! Отслужу чем угодно!

Дан Рокко действительно бросился на колени перед королем. Но и письмо Адриенны протянул.

Филиппо Третий взял его, открыл, пробежал глазами.

Адриенна медом разливалась по странице.

Писала, что безумно благодарна его величеству. Что его забота и любовь не оставляют бедную дану в ее захолустье. Хвалила дана Рокко. Рассказывала о делах в СибЛевране.

И в том числе просила прислать Джачинту, если его величество не будет против. Разумеется, на все королевская воля, но пример эданны Сусанны... он не совсем подходит для приличной благородной даны. А вот Джачинта может рассказать о том, о чем обычно матери дочкам нашептывают.

Адриенна-то сирота...

Его величество пожал плечами.

Так бы он еще подумал. Но дан Леони не был особо богатым, так что сделать его вдову наградой для кого-то не получится. А вот отправить ее в СибЛевран...

Разумеется, при условии получения от нее подробного отчета. Мало ли чему она там королевскую невестку учить будет?

Примерно это и было озвучено дану Рокко.

Дан Вентурини бросился на колени перед королем, то же самое повторили Джачинта и Анжело, заливая слезами благодарности королевские длани... Филиппо Третий не возражал. Благодарности он любил, тем более настолько искренние и пылкие. Да и приятно совершить что-то хорошее, бескорыстное... хотя бы иногда. Для разнообразия.

Дан Бартоломео Леони?

Да, и это тоже можно считать актом милосердия. *Coup de grace*, последний удар. Безумцем жить на свете плохо... для окружающих безумца в первую очередь. Так что...

Пусть покоится с миром.

А его величество напишет в СибЛевран. Эданна Сусанна действительно пример неподходящий. Возможно, дане нужны будут еще учителя. Или книги. Или...

Почему бы не сделать подарок будущей невестке? Все равно все вернется в семью. Так что можно и потратиться...

* * *

Получила свое письмо и эданна Франческа. Не один же дан Рокко ехал в столицу, а попросить гвардейца передать записочку... разве ему сложно оказать услугу эданне?

Гвардейцу было несложно. Да и расплатилась эданна авансом. Умеют же некоторые... сразу видно – придворная дама, а то у кухонных девок никакой фантазии!

Сейчас Франческа читала письмо и в ярости ломала свой веер. Тонкие пластинки слоновой кости так и сыпались на пол.

– Дрянь! Маленькая дрянь!!!

Эданна Сусанна была не слишком умна, но по-житейски сообразительна. Что толку, если она справится с обычной сопливой девчонкой? Таких много, для Чески такая – не угроза.

А если с серьезной опасностью?

Где будет большая награда? Правильно, именно там...

Вопрос: как сделать из Адриенны СибЛевран серьезную опасность? Да просто расхвалить ее! Других-то источников у эданн Франчески нет! Ей придется полагаться на слова подруги.

И эданна Сусанна лила яд на страницы письма.

Адриенна такая, Адриенна ская... Так что складывался образ весьма умной и стервозной девицы, с которой даже эданне Сусанне, при всех ее талантах, справиться сложновато.

Ладно, насчет ума эданна Сусанна не преувеличивала. Распознавать ум она научилась и понимала, что даже сейчас... пусть Адриенна пока еще наивна. Пусть ее ограничивает провинциальное воспитание. Но если она поживет при дворе... она действительно станет проблемой. Так что Сусанна даже не врет, она просто чуточку предвосхищает события.

Самую малость.

Если Ческа чего-то хочет, дорогой подруженьке придется раскошелиться.

Эданна Франческа это тоже понимала. Но лучше хоть что-то, чем совсем ничего, верно?

А еще...

Может, стоит подумать о физическом устранении мерзавки? В самом-то деле!

В столице его величество еще может что-то проконтролировать. А в провинции? Конь понес, грибочков покушала, с лестницы упала... почему нет?

Надо только поискать подходящего специалиста.

А Сусанна... да пошлет ей Ческа денег, пошлет!
Пусть подавится, стерва!

Глава 3

Мия

– Рыба, рыба, самая свежая рыба!!!

Голос торговли аж в висок ввинчивался. Мия поморщилась.

Она ждала.

У Комара подручных много, это один из них. Сегодня он предоставил свой дом для маленького действия.

– Утренний улов! Свежая рыба!!!

Мию и это раздражало. Понятно, что самые лучшие продукты надо закупать с утра. Но ей-то в чужой личине целый день ходить! Знаете, как это бесит?!

Злит, раздражает... ладно, может, и не целый день. Но какое-то время безусловно. И готовить...

– Посторонись!

Дверь дома открылась рывком, двое подручных втащили обмякшую кухарку. Стало бедной женщине плохо на рынке... бывает. Мия поморщилась еще раз.

Ладно бы – она просто приняла ее облик и ушла. Но так не получится.

Надо узнать, что эта баба хотела купить, надо это самое нечто купить и принести, надо приготовить хотя бы завтрак. А в идеале еще и обед.

Мие ведь надо уйти из дома. А уйти...

Она должна убедиться, что клиент употребил яд. Сразу тот не подействует, между приемом и результатом пройдет больше трех часов.

Только потом... в идеале уйти, когда дан Берто Риккарди начнет умирать.

А если уж самой себе сознаться... ей бы хорошо не просто так дожидаться и не с пустыми руками уходить. А что?

Дан Риккарди богат?

Почему не может стать чуточку богаче и она?

Моральная сторона вопроса? Хм... если ты соглашаешься на убийство за деньги, то стоит ли отказываться прихватить что-то по дороге? Главное, вынести незаметно. Но тут Мия позаботилась о себе заранее.

Кухарка – толстая.

Платье у девушки с толщинками и подкладками, массу-то Мия наращивать не умеет. Вот в одной из толщинок она и сделала шов. Если что – мох она оттуда вытащит, а полезную вещь сунет. И незаметно будет.

Кухарку бросили на пол.

Грубо похлопали по щекам, приводя в чувство. Обыскали, потрясли, отдали все, что выпало, Мие. Девушка принялась рассовывать вещи по карманам.

– Да вы... – принялась возмущаться кухарка. – Да я...

Оплеуха заставила ее замолчать.

Визг уgomонили еще одной оплеухой.

Потом пообещали отрезать нос. Правда, лицо портить не стали, но после того, как показали ножку от стула, пообещали засунуть... да, именно туда, и можно даже две, для комплекта, и принялись заголять, баба заговорила.

Рыдая и размазывая сопли, она рассказала, что купить надо морского зверя, овощи... рассказала, что именно хотела приготовить...

Пока ее убивать не стали.

Мия внимательно посмотрела на женщину. Она чувствовала, что с каждым разом ей становится легче и проще принимать чужой облик. Если первое время она все контролировала, вплоть до мельчайших деталей, то сейчас лицо менялось почти автоматически. Вуаль, которая ее скрывала, не позволяла ничего разглядеть окружающим.

Вот и хорошо, не надо ее видеть лишний раз. В том числе и кухарке.

Из дома она выйдет пока еще под вуалью, снимет ее в укромном углу и пойдет уже кухаркой.

Осьминоги, говорите? Соте из осьминогов в красном соусе?

Хорошо, и купим, и приготовим... может, и не стоило бы огород городить, но в том-то и дело, что кухарке дан Риккарди доверял. И свои пожелания насчет трапез высказывал регулярно.

Что толку проникать на кухню, если заботливо приготовленное тобой блюдо с отравленной пищей полетит в помойку? А клиент и кусочка не скушает?

Или съест мало да и проблюется?

Нет-нет, скушать надо будет все.

Яда Мия собиралась добавить щедро. Пусть подействует чуточку пораньше, это не страшно.

Итак. Осьминоги...

* * *

Домой кухарка шла не спеша. Корзина-то тяжелая! А помочь ей никто не может, приходится самой тащить. Настоящая кухарка это все несла без проблем, а вот Мия...

Начать, что ли, укреплять руки-ноги?

Ладно, об этом она потом подумает. А пока...

Вот и дом дана Риккарди.

Вот и калитка, рядом с которой стоит охранник. Но кухарку он узнал, даже в улыбке расплылся:

– Купила осьминогов-то, Мария?

Мия молча подняла крышку с корзины.

Купила. Еще живых. Кстати, никто не в курсе, чем они пахнут? Вообще не розами! Одно слово – гады морские.

И прошлепала на кухню.

Там грохнула корзину на пол, надеясь, что отбила осьминогам все печенки.

– ФУ-У-У-У...

Хотя так и так этих склизких сволочей придется еще доставать, разделявать... да, она это умеет! Теперь!

Но кто сказал, что ей это нравится? Мия бы лучше самого дана Риккарди молотком прибила!

Итак, соте³.

Потом сорбет, потом мясное рагу, причем не абы какого мяса. Кабанина. Мясо уже было замариновано, кухарка рассказала. Остальное – дело техники.

Почистить овощи, порезать. После месячной практики Мия могла это делать не глядя. Кто не верит – мешок морковки в помощь. Уже к середине освоитесь⁴.

³ Между прочим, вкусно и не особенно долго готовится. Только приправ много, ну и осьминогов лучше покупать тех, которых убивать не придется. (Прим. авт.)

⁴ Рагу из кабана по-провански. Но тут многое зависит от маринада и кабана. (Прим. авт.)

Десерт – засахаренные апельсины с ванилью и корицей.

Заготовки уже тоже есть, Мие просто осталось довести их до ума. Что ж, это разумно. Зачем готовить все в последний момент? Можно просто сделать несколько заготовок и использовать их. То же соте готовится быстро, а вот кабанятина, когда она замаринована, годится и для рагу, и для мясного желе, и... да много чего можно придумать.

Мия, правда, думать не собиралась. Сказали ей, что приготовить, она и готовит. А если что – новые рецепты пробует.

С добавлением секретного ингредиента.

Яд висел у нее на шее, в ладанке. И прекрасно пошел и в соте, и в бланманже, которое Мия готовила уже почти не глядя, и в рагу – никто и не заметит. Для обеда еще осталась порция, но может, и добавки не потребуется?

Мия красиво уложила апельсины, сервировала блюда, подумала, что такое умение тоже лишним не будет. Вдруг еще кого дядюшке закажут?

И выглянула из кухни.

М-да. Пока на господскую половину здания лучше даже и не ходить. Но судя по интерьеру... можно и так не ходить. Надо свое искать в кабинете, в библиотеке... дан Риккарди не будет держать на виду ничего ценного.

Кто-то даже стены вызолотит, а тут все темненько-скромненько... и это везде так, и экономия – свечи практически не горят. И дрова жиденькие какие-то...

Вот старый скупердяй!

Мия начинала злиться на дана и понимать его наследника. Даже сочувствовать. Немного и за деньги.

– Мария, золотко, плесни горячего?

Кой черт принес сюда стражника? Мия даже его имени не знала.

– Чего тебе горячего плеснуть? – заворчала она в манере кухарки. Благо наблюдала за ней на рынке.

– Бульончика бы.

– А как хозяин узнает?

Судя по окружению и штопке на дублете стражника... да другой бы удавился, не позволил бы своему человеку так ходить! А этому и ничего?

Вообще ничего!

– Ну, ты ж ему не скажешь? Ты ж меня любишь?

Мия продемонстрировала половник, но бульона плеснула. Подумала и даже небольшой кусок мяса добавила. И – ладно уж! Большой ломоть хлеба.

– Ходят тут... хозяйское добро разбазаривают.

Стражник упоенно чавкал. Так что ворчать Мия могла спокойно, ее просто не слышали, за таким-то громовым звуком. Потом еще рыгнул...

– Мария, золото ты, а не баба! Всегда б так!

– А ну!..

Половник оказался прекрасным аргументом. Стражника как ветром сдуло, а Мия перевела дух.

Пока не спалилась. Но это же пока...

И вообще, нечего расслаиваться на хвосте! Даже если не пройдет завтрак, надо начинать готовить обед. С добавками.

А тут уже так быстро не обойдешься. Что у нас там планировалось? То есть у них?

Дичь с гарниром из жареного мяса в кисло-сладком соусе.

Тушеные овощи с сыром. Сорбет, конечно, только чуточку поменять рецепт. Паштет из индейки.

И на сладкое – пирожные с малиной и лимонное желе.

Короче – вперед, Мия!
Готовить тебе еще долго.
Девушка скрипнула зубами, злобно пнула ни в чем не повинный очаг и вернулась к работе.
Ну, дядя!!!

* * *

Дан Берто Риккарди, высокий седовласый старик, сухопарый и брюзгливый, отведал завтрак и недоуменно нахмурился.

Пища была... другой.

Когда ты кушаешь то, что выходит из рук одной и той же кухарки день за днем, год за годом, когда ты привык к ее кулинарным шедеврам, ты остро ощутишь любые изменения.

Любое блюдо два разных человека приготовят по-разному. Щепотка корицы там, щепотка перца тут... даже овсяную кашу два разных человека сварят по-разному.

А еще – самое главное. Может быть, частичка души? То самое, что вкладывает в свои изделия любой творец? Кухарка в том числе?

Раньше было... иначе.

Просто – иначе.

Дан подумал пару минут.

Позвать кухарку? Отчитать?

Привратник ни о чем не докладывал, слуга, который принес завтрак, промолчал, то есть его пищу все равно готовила Мария. Никого другого на его кухне быть просто не может. Но почему изменился вкус? Может быть, она решила попробовать что-то новое?

Что ж, и такое бывает.

Но почему это не обсудили с ним? Кушать-то ему?

Позвать Марию к себе? Отругать?

Ладно... чуточку позднее.

Дан Риккарди покосился на тарелки. Несмотря на непривычный вкус, он все же отдал должное и соте, и сорбету, и рагу... ладно. Сейчас ему надо одеться, до обеда кухарка подождет, а уж к обеду он ее вызовет. И если опять будут какие-то нововведения... вот тогда Марии и не поздоровится. Взяли моду вольничать!

Слуга должен исполнять приказы дословно, не думая и не прекословя хозяину, иначе какая от него вообще польза?

* * *

Слугу, который сначала забрал поднос с кушаньями, а потом принес его же, но с пустыми тарелками, Мия запомнила.

Слуга? Значит, может появляться в комнатах господина. И никого это не удивит. Но вот одежда...

Снимать платье кухарки нельзя, там толщинки, подкладки, шнуровка, она сама потом это не наденет. Значит, слугой прикинуться не получится. А что может получиться?

Хотя какая разница?

Судя по тарелкам, в хозяина дома попало достаточное количество яда. Так что через пару часов начнется Большая Суматоха. И Мия сможет прибежать посмотреть, как прибежала бы и обычная кухарка. Разве нет?

Все правильно. Главное потом – вовремя улизнуть куда-нибудь в тихое место. Но Мия в себе не сомневалась.

Ждем. Тот факт, что ждет она смерти ни в чем не повинного перед ней человека, девушку не трогал. Она вообще об этом не думала. Просто – ждала.

* * *

В своей библиотеке дан Риккарди достал из тайника документы и разложил перед собой. Отлично. Вот она – закладная на дом. Срок уже почти истек... не сегодня-завтра земля перейдет в его собственность.

Надо написать невезучему дану, который взялся играть, поставив на кон городской дом. Или не надо?

Дан Риккарди задумался, вспоминая, что он слышал о своем заемщике.

Да, именно так. Дан Риккарди этим и занимался. С оглядкой, только самым-самым высококордным и невезучим он давал деньги в долг. Не просто так, конечно.

Под залог, и только под залог.

Дома, земли, драгоценности...

Только в строгой тайне. И вы не представляете, как тяжела судьба ростовщика!

Люди – мерзкие и неблагодарные твари! Дан Риккарди в этом даже не сомневался, напротив, многократно убеждался в своей правоте. Ты, с трудом накопив немного денег, выручаешь человека! И что?! И все... он это совершенно не ценит!

Ну да, ты не отсыпашь ему деньги просто так! Но ведь и манна с неба только один раз падала! А если б каждый раз, то чего и Землю Обетованную искать? И тут неплохо, знай лежи да рот открывай. А если уж Господь Бог так не поступает, то и скромному дану Риккарди негоже. Не надо привыкать к дармовщинке, не надо!

Да, он просит залог!

Ну и что?

Ситуации бывают разные! Допустим, человек уверен, что у него через год будут деньги. А их нет! Или они появляются только через два года! Ему же никто не мешает прийти и выкупить свою вещь!

Не приходят?

Н-ну... значит, им это просто не нужно!

И вообще! Что за гнусные инсинуации? Дан Риккарди никого силком не ловит, за уши за карточный стол не запикивает, на бега пинками не загоняет, ремнями не привязывает.

Чего ты играешь, если у тебя в кармане вошь повесилась с тоски? Иди вон! Делом для разнообразия займись!

Ах, дану не подходит?

А, понятно! Значит, просаживать жизнь в развлечениях – это ничего, это нормально. А вот поработать... ну хоть как – нет?

Как может поработать дан?

Служить! Тебе дан титул, чтобы ты служил отечеству, чего тут непонятного! Можешь служить в гвардии, можешь на флоте, можешь покровительствовать искусствам или науке, можешь...

Да много чего можешь.

Не делаешь?

Сам и виноват!

В чем-то дан Риккарди даже гордился собой, искренне считая, что тоже служит своему государству. Он избавляет его от гнусных паразитов.

Итак, купчая на дом...

Ему еще один дом не нужен, да и район хотя и неплохой, но слишком близко к реке, его старые кости такого не вынесут. А может, продать его?

Надо подумать...

Ох-х-х...

Дурнота накатила внезапно.

Шатнулись стены, надвинулся потолок.

– Что со мной?

Берто Риккарди показалось, что он произнес эти слова громко и вслух. Но это только показалось. На самом деле то был чуть слышный шепот.

– Что...

Яд, который использовала Мия, действовал медленно. Но впитывался хорошо, качественно... если бы сразу его выблевать – можно было бы спастись. Но не сейчас, когда уже прошло больше двух часов с момента первого приема.

Нет, уже не сейчас.

Сильно и жестоко забилося сердце.

Берто еще пытался идти, кричать, позвать кого-то...

Бесполезно.

Руки царапнули край стола. Бумага полетела... куда-то, и дан проводил ее последним гаснущим взглядом. А потом – потом уже ничего и не было.

* * *

Распорядок дня дана Риккарди подчинялся строгим правилам. Завтрак – в девять утра. Обед – в три часа дня. Ужин – в девять вечера.

Так не положено?

Ну и не кладите, главное, что дану так нравится, его все устраивает, и вообще! Его дом – его правила! Мия их преотлично знала.

А потому, когда было уже без десяти три, затеребила слугу:

– Чего дан-то не зовет?

– Ну, вот... в библиотеке он.

– Нельзя так! – Мия подозревала, что яд сработал, но все-таки? – Простынет все! Вкус утратит! Перестоит!

Слуга, имени которого Мия не знала... кажется, дядя говорил, но она попросту забыла от волнения, пожал плечами:

– Ну, вот... Дану лучше знать!

– Прокиснет! – топнула ногой Мия. – Остынет!

– Ну, вот...

Мия задумалась, знает ли слуга еще какие-то слова, кроме этих.

– Ты к дану сходишь?

– Ну...

– Проводи меня. Пусть на меня и гневается, если чего не так. – Мия решительно вытерла руки фартуком. И подумала, что кухарку бы за один этот фартук убить стоило. Такой засаленной тряпки у дядюшки во всем доме не найдешь. Даже если очень долго искать и копаться.

– Смотри, – пробурчал слуга. Но Мию повел к библиотеке, даже не задумавшись, чего это ее провожать надо? Это ж Мария, кухарка, она в этом доме больше двадцати лет проработала. И – провожать?

Зачем?

Нет, не подумал.

Мия сначала постучала, как положено. Потом поскреблась сильнее. Потом уже заколотила в дверь кулаком.

По счастью, дан Риккарди не запирался. Так, просто плотно прикрывал дверь. Да и от кого ему? Живет один, слуги вымуштрованы, лишний раз не побеспокоят...

Не в этот раз.

Мия (сейчас Мария) сделала шаг внутрь и завизжала так, что окна дрогнули. А, нет, это сквозняк. Он взметнул бумаги на столе, пошевелил волосы Берто Риккарди... того, что им некогда было.

Сейчас от дана осталась одна тленная оболочка. И она валялась рядом со столом.

Мия машинально отметила, что рот у трупа чистый. Правильно, есть куча ядов, которые видно именно по этому признаку. Или человека тошнит, или пена идет, или цвет рта меняется... этот не такой. Надо бы у дяди узнать, что он применил. А пока...

Слуга бросился из библиотеки, вопя, как будто дан Риккарди встал и за ним погнался.

Мия, недолго думая, сгребла со стола бумаги и запахнула их в ту самую подпоротую толщину. Огляделась... кто-то уже бежал... что она еще успеет?

Ничего!

Разве что...

– И-и-и-и-и-и-и-и!!!

Голос у нее был на редкость противный. Так что ее и не остановили. А чего неясного? Перепугалась баба, бежит, визжит...

Только вот лично Мия бежала в направлении хозяйской спальни.

У нее есть буквально пара минут.

Эта комната?

Нет... чего она тупит? Она же не кухарка? Она же помнит...

Мия кошкой взлетела на второй этаж. Примерную планировку она все же знала. Наследничек рассказывал, что дядя работает на первом этаже, спит на втором, вроде как его окно второе от угла... остальные спальни гостевые, но приглашения от старика не дождешься.

Ну и не надо!

Мия примерно прикинула, где может быть то самое окно, и попала со второй попытки. Вот это точно комната дана Риккарди. И воняет им...

Да, последнее время Мия ловила себя на том, что все лучше различает запахи и вкусы. Это очень помогло ей с готовкой, но и тут тоже.

Ага... и что у нас тут интересного?

Наверняка есть тайники. Но где уж Мии их искать и открывать? Придется довольствоваться тем, что на виду. К примеру... да! Вот этой очаровательной шкатулкой с побрякушками, которая стоит на тумбочке. Мия высыпала ее в ту же толщину и, недолго думая, покинула комнату.

Хочется больше.

Но лучше не надо.

Дома она все осмотрит, дома она прочитает бумаги, пересмотрит побрякушки и поймет, что ей досталось. А пока – бегом!

Дан Джакомо ждал племянницу неподалеку от особняка и фигуру кухарки опознал сразу.

Тихий свист – и Мия влетает в носилки, тут же начиная менять лицо.

– Готово?

– Готов.

– Умница, племянница.

– Деньги, дядя. Деньги...

– Корыстное поколение. Мы в вашем возрасте такими точно не были!

* * *

Дома Мия разобрала бумаги и порадовалась.

У нее было две купчие. Одна на дом, вторая на виноградники. Несколько долговых расписок общей суммой на восемь тысяч двести лоринов.

Какие-то письма, которые она решила пока отложить – потом разберется. И побрякушки. Все мужские... зачем они хозяину дома? Он же вроде никуда не выходил?

Но все же...

Несколько толстых мужских браслетов, перстни с большими камнями, четыре булавки и две цепи.

Все мужское, все золотое, тяжелое...

Вопрос: а что с этим делать? Положить в банк? А у дядюшки Джакомо есть там связи? Или нет? Тайна вклада...

Тайна вклада в любые времена была вопросом сомнительным. А потому... что делать-то? Открыть вклад на предъявителя? Или просто пойти в другой банк?

А если дядя об этом узнает?

Но уж точно не хранить в своей комнате.

Хм, а если попросить Энцо? Нет, это тоже опасно. Какие тогда варианты?

Да только один. Пойти и посмотреть, что за дом ей достался. Благо купчая и на дом, и на виноградники была оформлена с соблюдением всех прав и законов, но... но без указания имени покупателя.

У кого документ – у того и власть.

Интересно, а так можно?

Ладно, дом может и не подойти... тьфу! Чего она голову ломает! У нее же есть Мария!

* * *

– Мия?

Мария была весьма и весьма удивлена этой просьбой. Чутьочку пополневшая, посвежевшая и весьма довольная замужеством, она лично возилась с малышкой Кати. Визита Мии и таких откровений она не ждала. Но если уж начали разговор...

– Мария, мне просто нужно положить это в сейф. Так, чтобы дядя не знал. А если со мной что-то случится, девочки и Энцо... ты же их не обидишь, верно?

– Во что тебя втянул твой дядя?

Дурой Мария и в служанках не была, иначе эданна Фьора бросила бы ее в деревне. Просто служанкой Мария не проявляла весь свой ум. А сейчас ничего, сейчас можно. Это среди данов дурочки ценятся. А для купца, наоборот, умная жена как благословение. И посоветоваться, и поговорить, и с делами помочь, случись что.

– Ни во что серьезное, – пожала плечами Мия. – И никто на эти бумаги претендовать не будет. Но пусть они побудут в безопасном месте. Энцо сумеет ими распорядиться.

– И я должна лгать мужу?

– Лгать?

– Фредо не одобрит...

– Мария, он ведь не спрашивает, есть ли у тебя счета в банках, арендован ли сейф...

Мария поморщилась:

– Он знает, что нет.

– И что изменится? Ты же не для себя стараешься, а для меня.

Мария покачала головой:

– Как ты меня умудряешься уговаривать? Это жуткая авантюра!

Мия улынулась:

– Мария, ну что в этом такого? Если есть банки, почему нельзя пользоваться их услугами? А денежные дела – самые тайные! Даже любовника завести проще, чем деньги.

Мария рассмеялась. И тут же погрузилась:

– Ты взрослеешь, Миечка. Хорошо, я сделаю, что ты просишь.

– Я послезавтра приду повозиться с Кати. Повидаться с Энцо. И девочек с собой приведу.

Тогда и ходим, хорошо?

– Хорошо, Мия.

Ровно через два дня бумаги упокоились в сейфе вместе со шкатулкой. А Мия получила на руки один из двух ключиков. Второй остался у Марии – так, на всякий случай.

Но сейчас Мия уже была спокойнее. На счету каждого из Феретти лежало больше чем по две тысячи лоринов. Плюс вот этот сейф. Даже если завтра ее схватят и казнят, ни брат, ни сестренки нуждаться не будут. И приданое у девочек уже есть. Небольшое, но вполне достойное. А там и еще подрастет к совершеннолетию, кто знает? Банк же... они с денежного оборота живут⁵.

А вот Феретти пока жить на доходы не смогут.

Что ж. Надо больше стараться. А еще надо навестить свой, да, теперь свой домик и наконец узнать, что можно, про трубки мастера Гаттини.

Фабрицио Гаттини.

Мие было чем заняться.

Адриенна

– О чем грустишь ты, о прекраснейшая?

Адриенна повернула голову. Леонардо.

– Добрый вечер, дан, – кисло сказала она. И хотела уйти из библиотеки, но куда там. Леонардо ловко преградил ей дорогу.

– Адриенна, прошу вас!

– Слушаю?

– Адриенна, неужели мы должны быть врагами?

– Мы не враги, – равнодушно ответила Адриенна, перехватывая поудобнее книгу.

– Но мы и не друзья. А мне бы хотелось быть вашим другом, Адриенна.

– Это невозможно.

– Потому что я – сын своей матери? Но я ведь в этом не виноват!

– И что с того?

– Адриенна... нам ведь еще долго жить в одном доме. Почему мы не можем попробовать стать... нет, я и не надеюсь на братские и сестринские отношения, но хотя бы друзьями мы стать можем?

– А ваша мать уже отбросила намерение отнять у меня СибЛевран?

Леонардо поморщился, но незаметно.

Никакой тонкости в девушке. Да, понятно, для чего он тут кружева плетет! Но при дворе любая девушка затеяла бы сложную игру. Попробовала что-то выторговать для себя, как-то извернуться...

А здесь?

⁵ Первый банк мира – 1472 год, Италия. (Прим. авт.)

Прямой вопрос в лоб и такой же прямой ответ. Вот ведь что обидно! Сидит... вся такая воздушная, даже неземная, в платье цвета сливы, но внутри... словно камень какой. Ни тонкости, ни изыска.

– Ваша мать тоже о вас заботилась, Адриенна.

– И поэтому мы никогда не станем друзьями. У вас все, дан?

– Я...

– Извольте уйти с дороги!

Сильный толчок в грудь застал Леонардо врасплох, заставил отшатнуться, и Адриенна проскочила мимо. Преследовать ее парень не стал, просто прищурился вслед.

Вот дрянь!

После такого соблазнить ее – вопрос чести. И начнем мы... на что там падки юные дурочки? На романтику?

Даешь цветы и сладости!

И Леонардо отправился договариваться на кухню. Со сладостями проще. Вот цветы...

Зимой – откуда? Но красивые букеты можно и зимой составить. Есть калина, есть рябина, есть какая-то хвойня зеленая... сойдет! Важно ведь не что дарить, а как это преподнести!

* * *

Как известно, красивые составляющие для букета вместе не растут. Так что Леонардо вот уже два часа ездил по округе.

В одном месте он заметил подходящее деревце, сорвал пару веток, в другом...

Сойдет.

Но каждый день сюда ездить?

Леонардо глубоко задумался. Честно говоря, одно дело – промять коня. Другое – без смысла и цели скакать по сугробам. Мерзнуть, мокнуть в любую погоду... а можно вообще как-то эту какашку нарвать и сохранить впрок?

А где?

В СибЛевране?

Нереально! Бабы, даже самые маленькие, падки на романтику, а какая тут романтика, если мигом Адриенне донесут! Вот когда верный рыцарь мчится за букетом, преодолевая все преграды и одолевая всех врагов, – это одно.

Когда он героически собирает букет из того, что в ведре стоит...

Понятно, что так проще, быстрее и выгоднее. Но бабы такого не прощают, даже самые неприхотливые. Адриенна же...

Она и так относится к нему предвзято. Зачем усугублять?

Но и мерзнуть каждый день...

Леонардо присмотрел красивую рябину и направил к ней коня. Потом понял, что лучше тут на своих двоих, прыгнул и пошел через снег.

Проклятое дерево стряхнуло ему за шкуру, наверное, два или три килограмма ледяной воды. Сволочь... сломать бы тебя!

Леонардо со злобой рванул ветку, еще и перчатку разорвал о нее. И злобно выругался. Перчатки из тонкой алой кожи, пошиты дорогим мастером, такие здесь не найдешь... с-сволочь!

– Дан? Что-то случилось?

Нежный девичий голос заставил Леонардо резко повернуться. И грустно вздохнуть.

Ньора.

Судя по всему – дочь крестьянина какого. Об этом говорит и теплое шерстяное платье, и платок, и вязанка хвороста в руках...

С другой стороны, у нее розовые щечки, блестящие глаза и симпатичный носик. А остальное... самое главное место что у ньоры, что у даны одинаково. Леонардо это точно знает. Поэтому поклонился он так же, как и Адриенне:

– Ньора, простите мою несдержанность... я просто расстроился.

И продемонстрировал разорванную перчатку. Бабы обожают тряпки. Пожалуй, единственное исключение – это Адриенна. Вот уж кому безразлично, в чем ходить. Платья у нее есть, платья новые, из хороших тканей, пошитые по последней моде. Но ощущение такое, что ей это безразлично.

Было бы удобно!

Ньора же ожидания оправдала: охнула, схватилась за щеки:

– Дан, как жалко! Такая прелесть! А если заштопать?

– Шов будет виден.

Вот дура!

– Оно понятно... а если вышивкой замаскировать?

– Вышивкой? – Леонардо задумался. На тыльной стороне перчаток вышивали многие. А на ладони? Тут уже портить нечего... авось и не станет хуже? И повод еще раз приехать будет!

– Если дан скажет мне свое имя, я вышию, – похлопала глазками ньора.

Красивыми глазками, большими, серыми... тут и дурак бы понял. Леонардо выбрался из сугроба, не забыв про ветку, которую и вручил девушке:

– Вам, ньора.

Адриенне он по дороге еще сорвет.

– Благодарю вас, дан.

– Дан Леонардо Манчини. А я до сих пор не знаю, кого благодарить.

Ньора покраснела:

– Ньора Анна Бароне. К вашим услугам, дан.

– Что вы, прелестнейшая! Это я готов припадать к вашим ногам, если вы поможете мне решить эту маленькую проблему...

Адриенна на Леонардо не повелась. Так, слегка...

А вот девчушка через час обработки уже на все и согласилась.

И ежедневно составлять букеты для эданны СибЛевран за весьма скромную плату. Сольди в пять дней? Да ни о чем по столичным-то меркам!

«Ах, ньора, я так привык баловать свою мать цветами, когда мы жили в столице! Я и сейчас хотел нарвать для нее хотя бы красивых веток, но – увы. Я безнадежно столичный житель».

И заштопать перчатки, и вышиить на них герб и инициалы – на обеих, так, чтобы разрыва не было заметно... это уже за пять сольди разом.

А все остальное...

Леонардо даже не сомневался, что он свое получит. А почему нет?

Он молодой мужчина, дан, ему нельзя без женщины. Тем более эта конкретная на все согласна! Уже согласна, просто пока еще этого не поняла.

Надо пользоваться!

Мия

Что важнее? Особняк или дан Фабрицио Гаттини?

Честно говоря, дан интересовал больше. Особняк точно никуда не убежит. А вот дан...

Люди иногда смертны, иногда куда-то уезжают, иногда...

Жутко необязательные существа эти люди! Так что свой выбор Мия сделала в пользу трубочных дел мастера. Недолго думая, грохнула одну из трубок об пол, так, чтобы треснула чашечка, в которую кладут табак, положила пострадавшую в мешочек и отправилась в лавку.

Та не разочаровала.

На одной из центральных улиц, пафосная и слегка помпезная, с пышной вывеской, с громадными витринами... красота! И внутри не хуже, чем снаружи.

Терпкий запах табака, кожи, дерева...

Сугубо мужское заведение. Мия здесь выглядела неуместно, даже несмотря на то что добавила себе лет и поменяла цвет глаз и волос на черный. И все же ей было не по себе. Неуютно.

Не спасала даже строгая и дорогая одежда. Бархат верхнего платья, дорогой темно-зеленый плащ, подбитый лисьим мехом... сразу видно – не нищета какая пришла, не голь подзаборная. По одежке встречают, вот Мию и встретили.

Стоило ей войти, как к ней тут же бросился услужливый приказчик:

– Дана? Я могу быть вам чем-то полезен?

Дана думала недолго:

– Прошу вас, ньор...

– Рителли.

– Ньор Рителли, прошу вас о помощи. Моему мужу подарили эту трубку, а сын совершенно случайно разбил ее, играя в курительной. Мне сказали, что это работа мастера Гаттини?

Ньор принял из рук Мии бархатный мешочек, чувствуя себя защитником детей и женщин.

– Сейчас поглядим, дана... да, это, безусловно, работа мастера. Вы можете оставить трубку, я обговарю вопрос...

Мия замотала головой:

– Ньор! Умоляю! Проводите меня к мастеру!

– Дана, вы поймите, так не принято...

Ага, не принято! Мия размазывала слезы и сопли, рыдала, что муж убьет ребенка, что он в жизни такого не простит, что надо или починить трубку (вчера) или купить новую, но точь-в-точь такую же...

Вы, ньор?

Конечно, продать вы можете! Но вдруг там будут отличия? Я вас прошу...

Рыдать пришлось больше получаса. Потом появились другие покупатели, и вконец замороченный продавец сдался:

– Дана, если мастер Гаттини вас выгонит...

В руку продавца скользнул серебряный дарий. Это очень способствовало размышлениям.

Мию подхватили под руку и провели в задние комнаты. Где и постучали в одну из дверей.

– Что?! – донесся недовольный голос.

– Мастер Гаттини, к вам тут...

– Вон!

Мия развернула продавца и подтолкнула в спину:

– Идите, ньор Рителли. Я тут сама...

Ньор немного посомневался, но мастер в гневе был ужасен, мог и обругать, и ударить, и даже, самое худшее, уволить. Так зачем нарываться? Пусть все на дану и выльется...

Мия вошла внутрь и притворила за собой дверь. Заметила на ней засов и задвинула его. А потом без страха поглядела на мастера.

Ну, так... средненько. И не скажешь, что гений и умница.

Среднего роста, среднего телосложения, седые волосы, лет пятидесяти на вид. Лицо самое обычное, разве что нос картошкой и глаза яркие, черные, умные. А так на улице прой-

дешь и не узнаешь. И одет просто. Ни шелка, ни бархата, обычная шерсть, сукно серого цвета, никаких украшений. Разве что серьга в ухе. Та – да, та соответствует. И изумруд в ней немаленький, размером с ноготь большого пальца Мии. А все остальное темненько-скромненько.

Интересный человек.

Фабрицио Гаттини смотрел в немом удивлении. Видимо, такие наглые девицы ему ранее не попадались. Мия тоже смотрела на него без особого страха.

Бояться?

Сложно бояться того, кого ты можешь убить в любую минуту. Только вот ничего нового ты от трупа не узнаешь. А ей надо. Поэтому для начала попробуем поговорить.

– Мастер Гаттини?

– Дана?

– Очень приятно познакомиться, – проигнорировала вопрос Мия. – Мастер, у меня к вам всего два вопроса. Потом я уйду, и вы забудете о моем визите... скорее всего.

– Да неужели, дана? И что вас заставляет предполагать, что я отвечу?

Мастер явно издевался.

Мия спокойно показала ему трубку:

– Это изделие ваших рук. Верно?

Мастер едва заметно вздрогнул. Мия уверилась, что на правильном пути.

– Верно. А вот это?

Зеркало было тщательно завернуто в кусок шерсти. Но так, что развернуть его можно было одним движением. Что Мия и сделала.

И развернула к мастеру.

Ньор Фабрицио Гаттини прерывисто вздохнул – и уронил голову на сложенные руки. Плечи его затряслись. Мия молча ждала.

Ждала, пока мастер перестанет рыдать, пока посмотрит на нее красными старческими глазами.

– Откуда у вас это, дана?

– Будем считать, мастер Гаттини, что вы дали ответ на мой вопрос, – кивнула Мия. – Вам это знакомо. Кто именно продал эти две вещи скупщику?

– Никто, – скрипнул зубами ньор. – Я бы не... и никогда! И не притронулся бы! Лакея уволил, а тот, тварь, спер, что мог...

– У вас такие вещи на виду лежат? – искренне удивилась Мия.

– Трубки я с собой взял, поработать дома. Бывает иногда.

– А зеркало?

– Черт бы его разбил! – от всей души огрызнулся мастер Гаттини. – Знаете что, дана...

– Тот черт, который, по преданиям, унес мастера Сальвадори? – уточнила Мия. – Вот такой?

И поменяла лицо.

А что?

Черт так черт! Нос пяточком, уши торчком, рыло в шерсти, глаза красные, зубы длинные и оскаленные... да-да, так они в молитвенниках и изображались!

Ну а священникам виднее, кого они там гоняют! Мия вот ни разу чертей не видела! Но если церковь такое изображение одобрила, наверное, они в курсе дел?

Не с потолка ж оно взято?

Мастер всхлипнул, икнул и упал в обморок. То есть побелел и сполз со стула. Мия тут же втянула рыло и принялась хлопать мастера по щекам. Не переборщила?

Да вроде как нет. Не должна...

А сейчас бы мастер послал ее куда подальше, пришлось бы долго ругаться, скандалить... нет, ей такого не надо. Ей надо четкий ответ на ее вопросы. Без утайки и без лишних увильваний.

Мастер открыл глаза, всхлипнул...

– Это... это... оно...

– Мастер, вам что-то показалось? – как можно более участливым тоном спросила Мия. – Да вы сядьте, я ж вас не подниму, вы тяжелый...

Мастер оперся на девичье плечо, кое-как опустил обратно в кресло.

– Вы простите, что я к вам с этим зеркалом. Но все же реликвия, работа мастера Сальвадори... а вдруг украдено? Вы про лакея сказали...

Мастер Гаттини покачал головой:

– Пользуйтесь спокойно, дана. Я никаких претензий иметь не буду, не нужно мне это зеркало. Сто лет бы его еще не видеть.

– Но вы что-то о нем знаете. Правильно, мастер? Расскажите, пожалуйста...

Мастер закрыл лицо руками:

– Не могу.

– Вам вот уже всякая чужь мерещится... А потом что будет? Когда совесть нечиста...

– Моя-то чиста, – вздохнул мастер. И рукой махнул: – Ладно, дана. Это зеркало матери моей покойной супруги подарил потомок мастера Сальвадори.

Мия даже рот открыла:

– Ваша супруга родом с Линдано?

– Нет, дана. Вы же в курсе, что мастер Сальвадори пропал без вести?

– Да.

– Это неправда. Каким-то образом он выбрался с Линдано. Он прожил долгую жизнь, как человек, он оставил потомство, хотя и не особенно многочисленное...

– Да?

– Дана, вы уж мне поверьте. Не знаю, как там было и что... теща супруге только перед смертью правду открыла. И зеркало подарила. Сказала, что оно показывает порождения тьмы.

– Интересно...

– Вам-то оно ни к чему. – Мастер смотрел и на крестик, который виднелся на шее Мии, и на то, как она спокойно вертит в руках серебряное зеркало. – Да и супруга моя, упокой Господь ее душу, подробностей не знала. Но навряд ли как мастер умудрился сбежать с Линдано, заключив договор с Тем Самым... вы поняли.

– Допустим?

– На материке женился, стал даном, прожил долгую жизнь, ну и потомство оставил.

– Ваша теща не называла имен и фамилий?

– Нет, дана.

– А откуда она была родом? И как ее звали?

– Октавия Росса, дана. Из Энурии.

– Из какой ее части? – дотошно уточнила Мия.

– Из южной части провинции.

Конечно, так просто Мия не отстала от мастера. И долго еще выпытывала все, что он знает о теще, о супруге, что она говорила, чего не говорила...

Куда ж ты, наивный, денешься? Мие надо? Она тебе под шкуру влезет, но своего добьется! Она бы и супругу мастера расспросила, но вот беда – та умерла во время эпидемии.

Но теперь-то ей надо было попасть в Энурию! И разобраться, кто там потомки мастера Сальвадори.

А в чертей, бесов и прочих, кого там не надо поминать к ночи, она совершенно не верила. Ее вот тоже... увидишь – упадешь. Только что на мастере проверила.

И кстати... она бы с Линдано выбралась. Наверное...

А если мастер Сальвадори той же природы, что и она?

Мия задумалась над этим вопросом всерьез. А ведь это реально! Это более чем реально! И тогда он мог уйти хоть откуда! Хоть в открытую!

Его бы просто никто не заметил...

А пропадал ли в те годы кто-то, связанный с Линдано? Кто-то, кто имел туда доступ? Охранник, к примеру?

Мия посмаковала эту идею, но быстро поняла, что ничего не раскопает. Слишком много времени прошло, да и вряд ли такие сведения где-то есть. Разве что в королевских архивах, а туда лезть опасно. Да и ни к чему.

Будет время и возможность, она по Энурии проедет.

Нет?

Что значит – нет?! Этого слова Мия вообще не понимала! Ей надо! Она обязательно съездит, вот только денег накопит.

Дядя?

Ну... вот придет время, тогда и проблему с дядей решим. Никуда он не денется. И кстати, надо бы намекнуть ему на выездную работу?

Адриенна

– Дан Рокко! Джас! Анжелю!

Адриенна была искренне рада. Счастлива даже.

– Адриенна! Милая, как я рад!

– Дан Рокко, все устроилось?

– Да! И наилучшим для нас образом! – порадовался дан Рокко.

– А именно?

– Благодаря вашей просьбе, Адриенна, Джас поживет с нами. Вы же не против?

– Дан Рокко, ну как я могу быть против, если я сама, лично пригласила эданну Леони в СибЛевран? – искренне удивилась Адриенна.

Увидев, кто приехал, она вылетела во двор, повисла на шее у дана Рокко, расцеловала и смутившуюся Джас, и Анжелю...

– Только благодаря вам, дана. По гроб жизни благодарен буду!

– Договорились. Извольте пожить подольше, если уж благодарны, – тут же нашлась Адриенна. – Так... гостевые покои отмоем, я прикажу.

– Дана Адриенна, я так вам признательна! – Джас смотрела на Адриенну, словно на икону. – Если б не вы...

– Если б не я – вы бы точно сейчас простуду подхватили, – решительно махнула рукой дана. – В зал! Греться, пить горячее молоко с медом, потом в кровать, а я скажу сейчас нагреть для вас камни. Чтобы простыни были теплыми...

Судя по глазам Джас, к образу на иконе еще и нимб добавился.

Адриенна рассмеялась:

– Эданна Леони, что вы так смотрите? Я же сказала! Пить горячее и спать! Дан Рокко, и вам в том числе, а поговорим мы завтра утром. Главное – сделано. Вы здесь, все в порядке...

– Да. Вот письмо для вас, дана.

Адриенна вздохнула, принимая свиток с тяжелой бело-алой сургучной печатью:

– Его величество?

– Лично. Не доверяя даже секретарю.

– Благодарю вас, дан Рокко. – Адриенна сунула свиток в карман. – Итак – пить и спать!
А завтра утро начнется с горячей ванны!

И повлекла приехавших за собой. На ходу махнула рукой гвардейцам:

– Не отставайте! Марко, ты где?! Помоги немедленно, бездельник!

Марко не обиделся.

Из Адриенны во все стороны хлестала радость. Та самая, веселая, шальная, когда бегать хочется, кричать, даже ругаться иногда... это не со зла.

И вот это веселое «бездельник» ценнее иного «любимого».

Марко поклонился гвардейцам и пригласил следовать за собой. Это уже другие, они Сиб-Левран не знают. Но ведь храбрые ньоры не откажутся от глотка горячего вина с пряностями?

А потом Марко все и покажет, и расскажет...

Дана СибЛевран просто очень рада. Она завтра представится по всем правилам и введет всех в курс дела... а сегодня уж под вечер.

Горячее вино, горячий ужин и теплые комнаты? Протопленные?

Гвардейцы тут же простили дане любую невежливость. За такое – можно!

* * *

Поздно вечером, оставшись одна, Адриенна распечатала королевское письмо. И чего Филиппо Третий так старался? Сам его писал, секретарю не доверил?

Только из-за обращения в начале?

Дорогая невестка?

Ну-ну...

Филиппо Третий интересовался, все ли у Адриенны в порядке, просил писать и не стесняться, если что. Одна ведь семья... в скором будущем.

Намекал, что может решить любые ее проблемы.

Адриенна прочитала письмо один раз, второй, отложила в сторону. Фразы прыгали перед глазами, не собираясь в единое целое. Как-то не получалось его осмыслить.

«Надеюсь, у Вас все благополучно...»

«Ваш отец произвел на меня впечатление умного и порядочного человека...»

«Эданна Сусанна была истинным украшением двора...»

«Любое Ваше письмо будет доставлено лично мне в руки...»

«Буду рад помочь Вам, поддержать и направить...»

Нет, не складывалось все это в осмысленную картину. Адриенна отложила письмо и подумала, что все равно не разберется. Что там в голове у его величества?

Чего он хочет?

Как намерен добиваться своей цели?

Ей не понять. И, может быть, здесь и сейчас это к лучшему. А еще хорошо, что ее не оставили при дворе. В том гадюшнике она бы... она бы уже умерла. Или сама по себе, или чужими стараниями, что вероятнее.

Отравили бы ее! Вот и все...

Впрочем, это и здесь не исключено, недаром же эданна Сусанна была украшением двора. Ладно! Думать об этом надо завтра!

Адриенна рухнула в кровать и закрыла глаза.

Спать, спать, спать...

И пусть ей снова приснится полет, и небо под крылом, и ощущение упругих перьев...

Должно же быть хоть что-то хорошее в этой жизни?

Обязано.

* * *

На заявление, что Джачинта и Анжело будут жить с отцом и дедом, все домочадцы отреагировали по-разному.

Сдвинул брови дан Марк.

Скривила губки эданна Сусанна.

Безразлично пожал плечами Леонардо, который вот уже третий день оставлял Адриенне букеты под дверями комнаты.

– Пусть живут...

– Вот еще! – Эданна была хоть и красива, но рядом с Джачинтой проигрывала по всем статьям. Понимала это и заранее злилась. – Почему бы не выделить им домик, где-нибудь в поместье... ну, там...

– Где именно? – Адриенна знала, что легко не будет, и к сражению готовилась заранее.

– Ну... как этим! Фермерам, арендаторам...

– Благодородной эданне? – парировала девушка. – С маленьким ребенком? Зимой?

Дан Марк невольно качнул головой. Действительно, это уж как-то вовсе... конечно, ему тоже не нравятся посторонние в его доме, но... и возражать он не хотел. Он отлично знал, что скажет Адриенна. Более того, понимал, что это и правда так.

СибЛевран – не его дом.

Когда-то давно младший сын дана женился на Рианне СибЛевран. Женился по любви, получил в приданое поместье, но получил и ее родовое имя. А вот как дальше?

Что делать?

Дан Марк сильно рассчитывал, что выдаст Адриенну замуж, женится, постепенно его дети унаследуют СибЛевран, но оказалось все совершенно иначе. И сейчас дочь напоминала ежика. Не тронь – уколешься.

Справиться с ней силой не получается. Слов она не слышит. А время идет. И дан Марк начал задумываться, как ему жить через пять... уже четыре с половиной года. Правда – как?

При дворе?

Приживалом в СибЛевране?

Или есть еще какие-то варианты?

А если Сусанна понесет ребенка? Это ведь серьезно... или оно бы и к лучшему? Адриенна точно полюбила бы брата или сестренку, дан Марк знал, как она любит малышей. Они с Марко в свое время просто замучили бедолагу Антонию. Возились с ним столько, что Роза даже чуточку ревновала.

Вопросы, вопросы, а ответа дан Марк не знал. И злился.

Сусанна сморщила нос:

– Почему меня должно это касаться?

– Эданна Сусанна, – медовым тоном пропел дан Рокко. – Я давно знаю ваше золотое сердце и вашу добрую душу. Вы не выгоните на мороз ни женщину, ни ребенка, правда же?

Сусанна намек поняла.

Давно он знает...

Ладно! Марк, конечно, не поверит, но ведь этот мерзавец может и какие-то доказательства представить? Еще как может...

– Не выгону, конечно. Но все же, все же...

Джас прижала к себе сына. Она немного побаивалась, но Адриенна улыбнулась ей, и женщине вдруг снова показалось, что в комнате становится теплее. Уютнее...

Все. Будет. Хорошо.

Адриенна это точно знает. И Джас просто надо в это поверить. Все будет хорошо.

* * *

Эданна Франческа Вилецци в это тоже верила. Но поскольку была и смелее, и сильнее Джачинты, то свое счастье строила сама. И бороться за него тоже решила сама.

Сейчас она шла по Грязному кварталу. Не оглядываясь.

Не пугаясь ни людей, ни теней.

И уж будьте уверены, любой, кто посмел бы встать на пути эданна, был бы растерзан в клочья. У нее важное дело, а ей мешать смеют?!

Р-разор-р-р-рвать! Мгновенно и безжалостно!

Провожатый остановился перед одним из домов, постучал, сказал несколько слов, дождался отзыва, после чего дверь открылась и эданну впустили в дом.

Здесь роскоши не было. Вообще.

Комар вот удержаться не мог. А местный хозяин излишнюю пышность не уважал, хотя и стоял в иерархии Грязного квартала не ниже Комара.

Да, Квартал большой, столица тоже немаленькая, поэтому одного короля в ней не было. Было несколько группировок, которые делили и место под луной, и промыслы, время от времени враждовали, пытались сожрать друг друга, но потом все возвращалось на свои места.

Комар был одним из вожаков.

Еще были Осьминог, Леопард и почему-то Кукловод.

Вот с Осьминогом Ческа и пришла увидеться.

Сложное дело, важное, такое абы кому не доверишь...

И, надо сказать, главарь шайки был весьма похож на свое прозвище. Лысая голова, бледная, покрытая синими вздувшимися не пойми с чего венами, тело, которое напоминает пузырь, расплывшийся по дивану...

Роскошная одежда, королю впору. Шелк, бархат, мех... это Ческа оделась темненько-скромненько, а он-то на своей территории.

Тупая туша?

А вы в его глаза загляните. И не стоит забывать, что осьминог – это хищник. Маленького еще можно поймать и сожрать, а что касается большого...

Великий Кракен. Помните?

Ческа это осознала преточно. Дурой она не была, людей видела и чувствовала, а потому...

– Дан?

– Называйте просто Осьминогом, эданна Вилецци. Так проще.

Ческа досадливо прикусила губу.

Ну и к чему маска? К чему ее инкогнито? К чему все попытки сохранить тайну?

Осьминог беззлобно улыбнулся:

– Эданна Вилецци, если вы не хотели показать себя, надо было надевать маску, которая закрывает ВСЕ лицо. И шею тоже. Потому что вот эта ваша родинка весьма приметна. А вы частенько появляетесь на публике.

Франческа объяснение приняла и кивнула:

– Хорошо, уважаемый Осьминог. Меня привела к вам серьезная нужда.

– Неужели есть что-то, в чем я могу быть вам полезным?

– И не бесплатно, – подтвердила эданна.

– Слушаю! – В глазах Осьминога мелькнул интерес.

– Дана Адриенна СибЛевран. Мне нужна ее смерть.

– Дана СибЛевран... я даже не слышал о такой... нет, не слышал.

Ческа вздохнула. Чутьочку лицемерно, но кому какая разница? Особенно здесь?

– Это не моя история, а моей подруги. Эданна Сусанна...

– Манчини?

– Именно.

– Прелестная женщина, просто прелестная... – мечтательно вздохнул Осьминог, возводя глаза куда-то к потолку.

Неужели Сусанна и с ним?.. Вот ведь шлюха, всех перебрала! А может, оно и к лучшему?

– Она недавно вышла замуж. За дана Марка СибЛевран.

– Ага. А Адриенна?

– Дочь этого дана.

– Она чем-то мешает эданне Сусанне?

– СибЛевран передается в роду по женской линии, она – единственная наследница. Моя подруга может родить, но замок ей не достанется... понимаете?

– Понимаю. А нельзя ли выгодно выдать падчерицу замуж? Куда-нибудь подальше?

– К сожалению, уже есть сговор. И приданое – поместье, – потупилась Ческа.

– Очень, очень неудобно.

– Поэтому дана СибЛевран должна умереть. Так, чтобы никто не заподозрил неладного.

Упасть с лошади или исчезнуть без вести... я не знаю. Я в этом не разбираюсь!

Осьминог скрыл улыбку.

Да-да, не разбирается. Прожив практически всю жизнь при дворе и будучи уж сколько лет фавориткой принца! Хорошо, он во все верит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.